

МИСТИЧЕСКИЙ  
ТРИЛЛЕР

игорь резун

# БИТВА ТРЕХ ЦАРЕВЕН

время  
АБРА  
кадабры



загадка

**КНИГА  
ПЕРВАЯ**



Укок, или Битва Трех Царевен

Игорь Резун

**Время АБРАКадабры**

Издательство «Союз писателей»

2015

УДК 82-344  
ББК 84(2 Рос=Рус)

## **Резун И.**

Время АБРАКадабры / И. Резун — Издательство «Союз писателей», 2015 — (Укок, или Битва Трех Царевен)

Книга основана на исторических источниках и глубоком изучении истории секты так называемых ассасинов – исламских фанатиков, возникшей около X в. н. э. В самом начале XXI века ассасины, чьими руководителями теперь являются респектабельные миллионеры Запада, снова делают бросок к власти над всем миром: используя древнюю магию, парапсихологию, обман и террористические методы. Им противостоит малоизвестное Специальное управление ФСБ России: управление «Й», занимающееся магами, экстрасенсами, колдунами и паранормальными явлениями. Однако в борьбу за мировое господство под знаком Эры Водолея – Эры Женщины, втянуты и другие силы: алтайские шаманы, мечтающие провести реинкарнацию священной мумии с алтайского плато Укок и наследники загадочной «цыганской принцессы», рассеянные по всему миру. Битва трёх мистических сил, трёх «Царевен» идет по всему миру, на нескольких континентах, в нескольких мировых столицах. А тем временем в глубине Сибири молодые люди с удовольствием постигают веселое и красочное психологическое учение СИМОРОН, дающие средства для самореализации, избавления от комплексов и повышения самооценки... Автор использует источники из Сети Интернет, реальные архивные документы и иные материалы ограниченного доступа.

УДК 82-344  
ББК 84(2 Рос=Рус)

© Резун И., 2015  
© Издательство «Союз  
писателей», 2015

## Содержание

Часть первая	7
Пролог	7
Точка сборки-1	16
Тексты	27
Тексты	38
Лабораторная работа-1	46
Тексты	60
Точка сборки-2	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

# Игорь Резун

## Укок, или Битва Трёх Царевен.

### Часть 1. Время АБРАКадабры

*Кони Йото – старый шаман,  
Внешне выглядит очень странно:  
Он глотает морозный туман,  
Как другие глотают сметану!*

*Кормит змеями свой костер,  
И играет в кости с лисой,  
Держит в пальцах змеиный огонь,  
И по углям ходит босой!*

**Вячеслав Бутусов. «Кони-Йото», альбом «Звездный Падл», 2001.**

*На создание этого романа ушло:  
3,4 фунта немецкого трубочного табака Kapten Bester сорта  
Cherry Famous;  
3,5 кварты коньяка дагестанского (Дербент);  
53 галлона пива крепкого, полутемного;  
И безмерное количество терпения бывшей жены моей, Маргариты.  
Посвящается ей!*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,  
без разрешения правообладателей запрещается.

© Игорь Резун, 2015

## Часть первая Время АБРАКадабры

### Пролог

#### Москва, специализированное лечебное учреждение закрытого типа. Через десять лет после описываемых событий.

– Вы ее всё-таки развязали? – спросил Коновалов, сонно всматриваясь в толстое стекло с зеленоватым отливом и, кажется, даже мелкими пузырьками кое-где.

Сухонький, воробыиной комплекции и такой же клювоносый доктор хихикнул, поправил очки; Коновалов знал, что *руководит* тот Дачей уже четырнадцать лет, с самых-самых про- блесков нулевых – срок солидный, бестия хитрая, учитывает всё!

– По вашей просьбе... – доктор обнажил зубы, маленькие, мышиные, остренькие – Чтобы она чувствовала себя свободно.

– А в остальное время она всегда в смиренной рубашке?

– Пижа-ме – вежливо, но твердо поправил главврач – Лечебно-профилактическая пижама номер 3. Видите ли, обычную одежду она уничтожает. Она все на себе уничтожает.

Коновалов продолжал смотреть сквозь стекло, не мигая: так всегда делал, когда *вникал* в суть предстоящего разговора, моделировал его, просчитывал ходы и предвидел увертки. Так как любой сидящий в комнате со скудной обстановкой – стол и два стула, всё даже не привин- чено, а приварено к полу; мог наблюдать только непроницаемо-коричневый слой тонировки, то разглядывать его с другой стороны можно было бесконечно долго и совершенно свободно; что коновалов и делал.

Начинал он обычно с головы. Так как пациентку обрили на стандартную длину «один миллиметр», то форма черепа ее *прочитывалась*; «яйцеголовая», иначе не скажешь – купол черепа сходил вверх прямым, хорошим сводом, совершенно правильной острой формы, лоб высокий, такой же белый, как и незагоревшая кожа под состриженными волосами. Высокие дуги бровей, не нарисованных – на «Даче» вряд ли позволили бы пользоваться косметикой, а своих, натуральных, невыщипанных; глаз Коновалов хорошо не видел, не тот разворот, она сидела в три четверти, как будто зная, что за ней наблюдают – и курила, закинув ногу на ногу; сигареты ей принесли хорошие, но не дамские – французские Gitanes.

Коновалов отметил кулачок выпирающего подбородка, ровную прямую шею, жилистую шею – такую нелегко пережать даже силовым приемом, вывернется; небольшую, выпуклую грудь и форму сосков – нерожавшая, это видно, так бы, отдав расписанный природой запас молока, грудь эта сделалась бы плоской, прилипла бы к ее худому гибкому телу... Женщина сидела на стуле абсолютно голая; блик от лампы скользил по фарфоровому бедру с четким, хорошо выраженным изгибом: как на каком-нибудь «Крайслере» семидесятых. Подумал коно- валов, он хорошо знал американские машины той эпохи и любил их, у самого когда-то еще по студенчеству, появился Chrysler Le Baron, первый в городе, хотя откровенно говоря, хлам жуткий, \$65 на автосвалке... Промежность женщины под худым, впалым животом, мерно дви- гающимся, играющим точкой пупка, была закрыта ватными тампонами, бинтами, чем-то еще; медицинским скотчем прилеплено к телу, испачкано темным, догадываемся, чем...

– Что у нее с половыми органами? – спросил он казенно, прозвучало еще более грубо, как будто матом; но и по-другому не скажешь.



Главврач пожал плечами.

– Дважды пыталась... лишить себя, так сказать, биологического статуса женщины. Один раз канцелярским ножом в кабинете заведующего, а потом украла ножницы с поста. Два раза зашивали.

Коновалов молчал, он еще не закончил; на темном металлическом полу со следами сварных швов очень четко выделялись её ступни – тоже белые; можно сказать, узловатые, если бы перед Коноваловым была старуха; но нет, просто чуть утолщенные, выпуклые фаланги длинных и цепких, как крючья, пальцев стопы, широкий взъем, узкая пятка, средний палец, а не указательный – длиннее! Эту анатомическую особенность Коновалов сохранил, положил в *копилочку*; он никогда ее не упускал и прощупал глазами дальше – от тонкой аристократической щиколотки до колени бугристой, с мышцами, отметил развитые, тугими холмиками, икры спортсменки, еще раз оценил таз – узкий, не рожала точно, может быть, и бесплодна, может, с этим связано? Он повернулся к главврачу:

– Тогда я начну. Альберт Моисеевич, только – как договорились. Никаких ограничений. Никакого вмешательства.

– У нас в два часа процедуры по графику – тусклым, безжизненным голосом проговорил медик и было видно: *pro forma*, чтобы хоть чуть-чуть отстоять свою самость перед незванным гостем.

Но Коновалов уловил это с первых букв, с артикуляции собеседника; уже повернулся спиной и шел к выходу из комнатки наблюдения, чтобы через несколько секунд взяться за холодную металлическую ручку двери той самой комнаты для разговоров с пациентами. Наверное, с особо опасными пациентами.

Из-за стен, выкрашенных в серебристо-синий свет какой-то особой краской даже желтизна электрического светильника под потоком не спасала; все казалось облитым мертвенно-сиреневым, и нагое тело женщины тоже; прямо портрет Иды Рубинштейн, отметил про себя Коновалов; посчитал количество окурков в серебристой фольге на столе – пепельницы не дали – получается, она тут минут десять, а курит одну за одной.

Она не отреагировала ни на его приветствие, на своё имя – согласно протоколу, согласно *делу* – и на его удостоверение, показанное профессионально корректно: быстро и ловко. Сидела, отвернувшись «к окну», если бы окно там было, в этой металлической стене, но вместо него белел участок алюминиевой обшивки, более новый, чем остальные, более лоснящийся, свежий.

Коновалов сел, раскрыл папку, выложил бумаги. Он всегда делал это медленно, не спеша; и не потому, что тянул время, изматывая собеседника: нет, некоторые набрасываются сразу, не то, что эта истуканша; он пытался поймать их, но ему это очевидно не удавалось, а глаза между тем обычные, светло-серые, разве что пожалуй, очень светлые и льдистые – зрачок колет, смотреть прямо жутковато.

Женщина курила. Красивые губы, хорошо очерченные, выпускают дым, мимика потрясающая – если бы не эта уродливая окровавленная тряпка внизу живота хоть сейчас можно в студию, шикарное тело для глянца, если так рассудить...

– Я представляю Следственный департамент МВД России – холодно, с ледком, как всегда на первый раз, проговорил Коновалов – ...Ада Герардовна, анкетные данные я с вами уточнять не буду, это формальности... да и не мой функционал, честно говоря. Меня интересует очень простой вопрос всё-таки: зачем вы это сделали?

Ада загасила окурочек в серебристой бумажке из пачки "Житан". Красивые руки, тонкие пальцы. Только одна деталь, которую он отметил с изумлением; и понятно, почему не видел раньше. Кожа на ладонях. Это не просто кожные натертости ударницы-шпалокладчицы, это сплошная мозоль. Красноватая, местами ороговевшая и желтоватая кожа.



От начала кисти до пальцев, разве что подушечки сохраняли еще, видимо, какую-то мягкость.

На ладони, а броня.

– Простой вопрос – будет и просто ответ! – обронила Ада, смотря на Коновалова в упор; голос был резкий, *кричащий*, хотя она и не повышала его тона, как крик чайки на пустынным северным берегом, голос – Выполняла особое задание. Есть такая профессия – Родину защищать.

Сказав это, она поменяла положение ног. Теперь на весу покачивалась левая узкая ступня. И тут особенность: на таком же худом и суставчатом среднем пальце ступни не было ногтя.

Коновалов улыбнулся.

– То есть вы хотите сказать, что ваши деяния, предусмотренные ст. 20, части 1 Административного Кодекса Российской Федерации, и квалифицированные следствием, как «мелкое хулиганство», были сделаны в порядке выполнения служебного задания? От какой организации?

Она зажгла спичку. Как-то по особенному зажгла, едва достав из коробка – будто и не касалась черной головкой спички коричневого коробочного бока.

– Не имею права отвечать на этот вопрос. Обратитесь к моему руководству!

– Но я не знаю вашего руководства»...

– Коммутатор ФСБ, 34–60, позывной «Кремль».

– Очень хорошо! – улыбнулся Коновалов, с интересом наблюдая за подвижной мимикой ее худого лица; она казалась застывшей, но всё-таки иногда ломалась, как весенний ледок – Я так и сделаю.

– Ни черта вы не сделаете. Иначе бы не держали меня в этом бедламе второй месяц. За мелкое хулиганство.

– Понимаете, меня интересует, как человека... зачем? Сначала вы обманом проникли в посольство Соединенных Штатов на Новинском бульваре. Фальшивое приглашение на торжественный раут, посвященный падению Берлинской стены... Потом, как следует из материалов дела, разделись догола в кабинке туалета... Это так?

– Да, это так.

– Затем подошли в голом виде к послу США, мистеру Роджеру Даунворду, задали ему вопрос... кстати, какой вопрос вы ему задали?

Ада помедлила. Покачала голой ступней и несколько раз поджала-распрямила пальцы; Коновалову показалось, что он слышит хруст застоявшихся без дела, онемевших сухожилий.

– HaveyoumetJesus – без эмоций обронила Ада.

– Любопытно... Он что-то значит?

– Это дешифруемый код-мессидж. Это секретная информация!

– А потом вы плеснули в него томатным соком. Почему именно томатным, кстати? Кровавые злодеяния американского империализма?

– Нет. Просто на каком-то столике делали «Кровавую Мэри». Я взяла стакан по дороге.

– Зачем вы обнажились для этого?

– Кинезэнергетика. Вся моя одежда, включая нижнее белье, была заряжена, я не могла построить защитный энергетический кокон вокруг себя в одежде.

– А зачем вам нужен был этот... защитный кокон?

– В зале находились люди, которые могли меня физически уничтожить.

– Охрана?

– Нет, гости.

– Всех гостей раута, включая вас, проверяли рамкой... Неужели кто-то пронес оружие?

Ее льдистые зрачки смотрели на Коновалова с сожалением; так смотрят на неразумное дитя – или опытная старшеклассница на малышку, пойманную за подглядыванием в женский туалет.

– Психоэнергнетическое воздействие. Сердце более уязвимо сзади, удар может быть направлен под лопаточную кость.

– Удар чего?

– Ментальной энергии. Сгусток энергии... Я вам не объясню, это слишком сложно для обычного человека.

– Ну, допустим. Итак, вы опасались неких «врагов», но соткали себе кокон... А сотрудником службы безопасности посольства вы не опасались?

– Нет. Я была для них практически невидима.

– Каким образом?

– Отвела глаза, так можно сказать.

– Нелогично. Зачем же вы тогда делали липовое приглашение – вы могли такой невидимкой проскользнуть в посольство?

– Это достигается только сверхконцентрацией всей биоэнергетики. Я могла это сделать только в тот момент и на короткое время.

– А для чего вам это нужно было? Вы хотели причинить какой-то вред послу?

– Нет. Я хотела считать его ментальный месседж. У него есть важная информация, касающаяся участия США в событиях на Украине. Она заблокирована, он сам не может ее дать.

– Он мог ее вам сообщить?

– Да! Я требую вызова моего руководства! Прекращения идиотских допросов и вызова моих непосредственных начальников!

– Вы их не называете, Ада Герардовна.

– Вызовите полковника...

Коновалов неожиданно бытро – для видимой его расслабленности, прервал:

– Такого человека нет. Мы проверяли. Заодно и другие фамилии, на которые вы ссылаетесь... Вы лучше скажите. Против каких «невидимых врагов» вы боретесь своими... сверхестественными методами?

Женщина скривила губы; и они, обкусанные и шелушащиеся, сделались в этот момент адски красивыми...

– Вы знаете. Это враги! Они повсюду! Это энергеты, они обладают... Господи, какой же вы тупоумный идиот! Это заговор! Заговор мирового уровня!!!

– Лучше всё-таки вы бы назвали хоть одно нормальное имя... ваших сообщников – устало прошелестел Коновалов.

– Я уже доложила! 34–60, позывной «Кремль».

– Хорошо... – Коновалов переложил бумаги в папку; на самом деле это ему не было нужно – знал *наизусть*; но это пауза, а он немного сбился – Теперь я попрошу вас объяснить, зачем вы оставили в хозяйственном помещении номер четыре... это комната уборщика посольства, нечто, что было квалифицировано службой безопасности, как взрывное устройство с часовым механизмом и вызвало экстренную эвакуацию посольства?

– Я уже объясняла. Я написала, что это было.

– Да... – Коновалов опять *для вида* заглянул в папку – После разрушения устройства роботом с водяной пушкой обнаружили, что оно состояло из батарейки, двух электродов, будильника... и некоего животного. Предположительно крысы. Следов взрывчатки не обнаружено. Это так?

– Так. Стандартная пси-мишень для агрегаторов среднего уровня.

– Хм... А подробнее, всё-таки.

– Не делайте из себя дурака, вы это читали...

Она загасила очередной окурок и взялась руками за голые плечи, *зябко*; обе ступни уперлись в металлический пол и завибрировали; коновалов видел, как по фалангам напряженных пальцев переливалась бледность, пятнами.

– ... в контейнере находился механический будильник с простейшим соединением с батареей. От батареи электроды шли в тело обыкновенной лабораторной крысы. Обездвиженной слабым специфическим веществом. Через равные промежутки времени электроды пропускали ток, крыса издавала звук...

– Но... но ведь явно этот звук мало кто слышал! Уборщик отреагировал на тиканье будильника.

Ада резанула его презрительным взглядом.

– Крыса издавала звук, который не слышало человеческое ухо. Это импульс боли. Его хорошо слышали потенциальные агрегаторы. Он дестабилизировал их, отвлекал и автоматически ориентировал не на меня, а на контейнер!

Коновалов мягко улыбнулся.

– Не надежнее ли было использовать любой электронный таймер, например, в мобильном телефоне?

– Любая электроника может быть выведена из строя направленным пси-ударом. Механический будильник можно только сломать руками.

Он не стал спорить. Закрыв папку, демонстрируя, что играет *открыто*; да, все знает, без дураков. Восемьдесят пятого года рождения, подкидыш, Барышевский детдом, зачем медицинский техникум, медсестра, курсы повышения квалификации, врач ЛФК, не замужем, не была, комната в общежитии – не приватизирована.

– Итак, вы выполняли задание руководства... А кому подчиняется ваше руководство?

– Как полагается, вышестоящему. А директора Федеральной службы назначает Президент Российской Федерации.

– Чем занимается... ваша служба.

– Это секретная информация. Коммутатор...

– Вы уже говорили. Хорошо, еще один эпизод. В марте прошлого года вы были задержаны погранслужбой Финляндии в районе госграницы, как незаконно ее перешедшая. Вы были тепло одеты, в армейский комплект спецназа, но... но несмотря на температуру около минус двадцати градусов ниже нуля, вы были босы. При этом прошли около пятидесяти километров и не обморозили ступни. Как это случилось?

– Это закрытая информация! Я не только сенсор высокого класса, но агрегатор.

Коновалов поморщился. Это его уже немного утомляло. Посмотрел вверх – по краю матового желтого светильника, забранного решеткой, деловито ползала черная точка. Таракан? Нет, муха. Передвигается специфически.

– Вы тоже выполняли какое-то задание? Вы ничего не захотели тогда объяснить.

– Да. Я выполняла секретную операцию по преследованию особо опасного энергетического объекта.

– Почему... без обуви? Ее при вас не обнаружили.

– Я вытаптывала объект.

– Как это?

– Сенсор такого класса, как я, обнаруживает энергетический след только голой ступней. Все энергеты оставляют такой след. Обнаружить его могут только сенсоры.

– Вам холодно?

Ее руки ощупывали плечи; ногти коротко острижены, как полагается всем клиентам «Дачи», но и эти ровные короткие ногти впиваются в матовую кожу.

– Нет... – вдруг она уперлась бусинками зрачков в Коновалова, *насквозь* – У вас было ранение в голову, несколько лет назад, проникающее, в затылок, пуля вышла у правого глаза... Так?!

– Так. Но это не имеет отношения к делу.

Он первый раз ощутил холодок – сквозит, черт возьми, именно *сквозит*; такого не должно быть; холод как раз в районе носа и века, онемение – как раз оттуда вышла пуля Салмана аль-Бинди, на мемориале ВТЦ, это было глупо, чертовски глупо – сам подставился... Коновалов с трудом, как он говорил, *собрал мозг*.

– То есть вы вытапывали... – проговорил, чтобы на этот раз *потянуть*.

Вместо ответа женщина внезапно извернулась на привинченном к полу стуле и закинула обе ноги на стол. И закурила, выхватил сигарету из бело-синей пачки; перед Коноваловым – две розовых подошвы, вытянутых, абсолютно чистых, без малейшего следа огрубелости.

– Потрогайте! – властно сказала Ада.

– Зачем?!

– Потрогайте.

Он усмехнулся, положил ладонь на эту плоть; провел от основания ступни до узкой пятки – упруго, гладко и... горячо. Достаточно горячо. Так горяча ладонь после того, как покрутишь «солнышко» на турнике.

– Что вы хотите этим доказать, Ада Герардовна?

Она вынула изо рта сигарету – докурена до половины, курила быстрыми затяжками; потом нагнулась, грудки болгнулись, пламенея сосками – а потом вдавила тлеющий окурок под яблочно выпирающий бугор на голой подошве; там, где розоватый оттенок переходит в белый, с тонкими линиями морщинок кожи.

Коновалов слышал шипение и ощущал легкий запах паленой кожи; и это знакомо, увы, во взорванных машинах пахнет именно так...

Он молчал. Эмоций проявлять не следует, в конце концов это ли фокус, либо вспышка садо-мазо, в любом случае надо дожидаться окончания спектакля, раз уж купил билет на место в первом ряду.

Убрав раздавленную папиросу, Ада равнодушно отбросила ее на стол. Ждала положив ладони на щиколотки. Потом поплевала на правую руку и ладонью вытерла пепельное пятно.

Коновалов видел точно такую же чистую подошву, как и до этого. Без малейших следов ожога.

Интересно, что думает сейчас главврач за тем темно-коричневым стеклом.

– Уберите ноги – он постарался сказать это сухо, но вышло как-то просительно.

Ее била дрожь. Заметила взгляд, пояснила: «Медикаменты, которые мне вводят насильно. Только это бесполезно».

– Всё-таки вернемся к вашему статусу, Ада Герардовна. Те имена и телефоны, которые вы давали на этапе предварительного следствия, оказались вымышленными... Таких людей не существует.

– Этого не может быть.

– И, тем не менее, это так. Более того, запрос в соответствующие структуры, официальный, имел результатом официальный же ответ: человека с вашей фамилией, вашими данными никогда в их структуре не было. Ни в каком виде.

– Неудивительно. Деятельность нашего управления засекречена. Доступ к файлам ограничен.

– Даже для руководства ФСБ?

– Да. За работу управления отвечает всего один специальный заместитель директора.

– А чем занимается ваше управление?

– Отслеживанием и необходимой ликвидацией потенциально опасных энергетических объектов.

– Это большая проблема?

– На земле почти семь миллиардов человек. Примерно три миллиарда имеют повышенные энергетические способности, их называют «спящими». Один миллиард проявляет определенную активность, это «мерцающие». И около пятисот тысяч агрегаторов высшего уровня... «Оранжевые»... Но они обычно синие, потому, что цвет активной части ауры...

– Секунду! – перебил Коновалов; он именно *перебил*, хотя делал это крайне редко – Почему вы не используете ваши... сверхспособности, чтобы просто покинуть это заведение? Например, пройти сквозь стену палаты и уйти прочь?!

Она вытащила еще одну сигарету. Вставила в рот. Не тем концом. Но это ее не смутило: белая палочка качалась в бледных губах.

Она ее ела, эту сигарету.

Задышавшись, Ада проговорила:

– Медикаменты. Они снижают уровень... Дофамин... нейолептики блокируют медиаторную систему. Я требую связаться с моим руководством! 34–60!!! Я требую!!!

– Спокойнее, Ада Генриховна. Мы связывались.

– Полковник... – она выдавила фамилию; по острому подбородку текла вязкая коричневая слюна, белые ошметки папиросной бумаги, фильтр она выплюнула на пол – ...он должен знать... я была в его группе...

– Названный вами человек – сухо проговорил Коновалов, поморщившись; не любил *беспорядка* – ...считается пропавшим без вести в 2011 году. Ряд людей, которых вы называли ранее, также.

– 34–60, «Кремль», позывной! Это секретная информация! Я выполняю важное государственное задание! России угрожает опасность, а меня держат тут...

Она выгнулась на металлическом стуле. Повязка и тампоны начали сползать с лобка; интересно, зачем она пыталась себя кастрировать – симулировала типичное сумасшествие или же это что-то другое? Коновалов отвел глаза; зрелище явно будет не самое эстетичное; ровнял бумаги в папке, чтобы плотно застегнуть зажим.

Ада шарила ладонью по столу и ее грубая, наверняка жесткая, как растрескавшийся асфальт, ладонь наткнулась на фольгу от пачки с окурками; сгребла и не глядя – приложила ко лбу, начала тереть. Пахло кислым запахом сигарет, мокрым пеплом; смешиваясь с крупными, бриллиантовыми каплями пота, пепел рождал черно-серые разводы, будто женщина наносила на лицо боевую раскраску.

Что-то не понравилось Коновалову в ее движениях.

Он встал.

Он был уже у двери, когда донеслось:

– Аль-Бинди не стрелял, стрелял Борух... Терракотовая армия... они хотят вскрыть курганы!

Коновалов редко терял контроль. Но сейчас, открывая дверь, он пробормотал довольно громко, бросил: «Обнять и плакать!», своё любимое, от врача Туаева, которой его *вытаскивал* его там; надо же, как интересно, что она знает – что-то в этом есть, хотя может быть простая утечка – тогда об этом писали, и дотошные американские журналоги; аль-Бинди растерзала толпа, но ведь все могло просочиться, есть Интернет.

Мимо него белыми крысами, злыми и совсем не лабораторными, проскочили два санитара. Смирительная рубашка, пижама номер 3, у них. На «Даче» все строго.

Главврач провожал его до ресепшена: там, где евроремонт, светло-кремовый сайдинг, цветы и рыбки; всё прилично, родственники не должны видеть, как едят сигареты и размазывают по лицу пепел, не надо, все очень толерантно и демократично. «Дача» уже не та. Ступая

бесшумно – какие-то кожаные черевички на ногах, шиты явно на заказ; меряя шажками пространство рядом с Коноваловым и *чуть сзади*, главврач спросил:

– Ну, и... как вы думаете, это все обоснованно?

– Что?

– То, что она говорит. Про коммутатор ФСБ, про специальное управление.

– Бред – коротко ответил Коновалов, отирая лицо, как будто вспотевшее в жаркий день

– Шизофрения типа «Психо»», комплексное воздействие стрессоров... Да и лучше меня это знаете. А коммутатора такого не существует.

– Вот как?

– Да. Совершенно точно. Ну, спасибо за содействие, всего вам хорошего...

На улице давили друг друга в небе лохматые облака холодного мая; солнце било сквозь них резко, обозлённо, точечными световыми ударами. Ветер трепал отросшие у тополей гривы на обрубках. Коновалов подошел к своему серому Renault Logan с шеснадцатиклапанным форсированным мотором 1,6 литра, сел. Немного посидел; спрятал папку в бардачок.

Потом достал миниатюрный телефон, не любил «блинов» на ладони, набрал короткий федеральный номер.

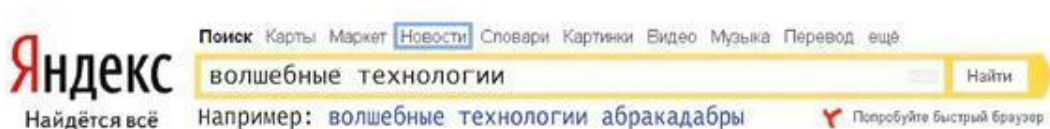
– Коммутатор... – он назвал цифру.

Зная, что после едва слышного щелчка на том конце уже появился собеседник и готов принимать информацию, доложил, старательно модулируя голос; это тоже привычка, голос должен быть *дикторским*, это еще Евгений учил на курсах, это должно в крови быть; голосом компьютерного робота проговорил:

– Осмотр закончил. Они появились. Снова.

И нажал кнопку прекращения вызова. Инструкции он получит совсем по другому каналу.

## Новости



«...Эксперты компании Pew Global Attitudes отрицают свое участие в создании новой глобальной поисковой системы [abracadabra.go](http://abracadabra.go), появление которой вызвало переполох на прошлой неделе среди таких признанных хозяев рынка, как Google, Yandex и Yahoo! Например, уже сейчас доля пользователей, обращающихся с запросами к [abracadabra.go](http://abracadabra.go), только в Великобритании, выросла на 17 процентов, а в зоне Рунета – на 16 процентов. Аналитиков беспокоит тот факт, что неясным остается до сих пор происхождение этого поисковика и официальный адрес его сервера: он не зарегистрирован ни в одной из известных доменных зон, и не спешите открывать регистрацию в новой зоне. [go](http://go). Роберт Хьюстон, председатель сенатской комиссии по глобальным компьютерным сетям, заявил, что будет добиваться запрещения регистрации в США сервера поисковой системы [abracadabra.go](http://abracadabra.go), так как за ней стоят, по его мнению, враждебно настроенные к Западу исламские террористические организации. Нетрудно также заметить, что поисковик [abracadabra.go](http://abracadabra.go) дает больше всего ссылок на запросы о волшебных технологиях, демонстрируя склонность к явно ненаучным источникам...»

*Рейчел Коллиган. «Век полной Абракадабры»  
Financial Times, Лондон, Великобритания*



## **Точка сборки-1**

### **Париж. Сорбонна**

### **Марика Мерди и слушатели**

Если подъезжать к зданию главного корпуса Сорбонны, или Sorbie, как ее панибратски стали называть легкомысленные американцы, поглощающие в этих вековых аудиториях сандвич знаний с равнодушием классических пожирателей биг-маков... так вот, если подъезжать к нему со стороны набережной Сены и площади Сен-Мишель, то лучше бы... и не подъезжать вовсе! Узкая улочка Сен-Жак всегда забита автомобилями, которых не было при Наполеоне Третьем. Тот, конечно, не додумался завести парковки хотя бы для потомков. Зато он возвел монументальный кипящий фонтан, в котором можно увидеть в жаркие дни полуголых студентов, болтающих в воде голыми пятками и беззаботно протирающими мрамор тканью джинсовых шорт. Конечно, в таком случае мы не увидим церковь Сен-Северин, что возникла на месте часовни, разрушенной норманнами. По правде говоря, норманны сделали все правильно, но то, что было возведено на этом месте, вряд ли удовлетворило святого Северина, покровителя всех капелланов и замполитов: слишком готично, слишком тычет в небо пятинефная базилика. Да и как-то нескладно: на одних колоннах капителей нет, на других – они есть, с грязно-розовыми фигурками ангелов и пророков. Разве что замечательны витражи пятнадцатого века, слегка загаженные голубями.

Знающие люди подъезжают к Сорбонне со стороны Пантеона и, не сворачивая на узкую улицу Сен-Жак, сжатую университетом и Коллеж де Франс, паркуются на улице Суффло. Так и поступил водитель белого Bentley Asur Coupe, но и улица Суффло оказалась забита автомобилями. Белая рыба кралась мимо внушительных автозадов преимущественно немецкого и американского производства, а сидящий в ней бледный человек, почти юноша – только морщинки в углу изнеженного рта выдавали его возраст, далекий от юношеской наивности! – этот человек меланхолично всматривался в ряд машин, на задних стеклах которых часто мелькал маленький зеленый флажок, означавший, что и владелец авто, и само оно находится под защитой всемогущего Аллаха.

– Боже мой, – пробормотал молодой человек, опираясь безвольным подбородком без признаков растительности на набалдашник массивной трости. – Как низко пал Париж, друг мой! Верите ли, нет, вчера мы с Пьером катались по Булонскому лесу. Треть проституток – арабские девы. Трясут лакированными в соляриях животами, а пальцы ног – белее сахара! Бог ты мой...

На молодом человеке чернел спортивный пиджак с дивными перламутровыми пуговицами, от Gonsales Quargo, спускаясь на брюки, приобретенные в дорогом универмаге Paris-VII-Valentine; в твердом воротничке сорочки серебрилась бабочка с алмазной булавкой от Lisa Rossa, а ноги украшали настоящие итальянские туфли с достойной, но упрямой от любопытных глаз этикеткой. На пиджачные плечи легко падали светло-каштановые длинные шелковистые волосы; глаза цвета спелого кофе смотрели утомленно. Его собеседник, крутящий руль, был, напротив, брит наголо, носил тонкие кавалерийские усики; его мускулистое тело обтягивал модный серый френч, с крохотным квадратиком белой сорочки у горла, а на ногах, выжимающих педали «бентли» с механической коробкой передач – классика! – красовались юфтевые Saproques des kazaks, стоившие больше, чем половина тряпок, надетых на молодого человека. Он нашел, наконец, нишу в ряду автомобилей, оглянулся, сдавая назад, показал зеркальцу заднего вида серые, с холодным блеском глаза и ответил:

– Да, друг мой Пяст, в квартале отсюда, между прочим – Институт арабского мира, на набережной Сен-Бернар. Кстати, это удивительно согласуется с темой сегодняшней лекции,

вы не находите? «Манихейский кризис иудеохристианского наследия». Merde<sup>1</sup>, как мы поздно, однако!

– Не волнуйтесь. Марика всегда начинает поздно, – заметил тот, кого называли Пястом, да откинулся на кожаные подушки. – Вы о ней что-нибудь знаете?

– Конечно. Подвизалась у Андре Рене Бишоппа, того самого, что разул половину Парижа и Иностранного легиона. Потом занялась самостоятельной практикой. Ее раздуло, как винную бочку, но лишь прибавило апломба. Ловкая дамочка.

– Ее действительно зовут Мерди? Рискованная фамилия.

– Конечно, нет. Она Сеславская, из австрийских чехов. Впрочем, об этом никто никогда и не узнает: ее слава бежит впереди нее! Мадам Мерди предпочитает вести свои лекции в стилистике Мерилина Мэнсона. В Намюре она на сцене разорвала голыми руками и съела живого голубя, в Нанте во время ее выступления за ширмой совокуплялись два негра...

– По-настоящему? – осведомился молодой человек с искрой интереса, в первый раз проскочившей в его тихом, усталом голосе.

– Надо полагать, мой друг... А в прошлом месяце она вывезла на сцену живую обезьянку на каталке, и ассистенты при всех распилили той череп. Под местным наркозом. Ее несколько раз арестовывала полиция за оскорбление общественной морали, защитники животных спят в саду ее дома... впрочем, она обожает гостинцы! Посмотрим, что она приготовит на этот раз. Но излагает интересно. Я думаю, вы не будете разочарованы.

---

<sup>1</sup> Merde – черт. (Фр.)

International Centre  
for the Registration  
of psychoactive objects

Federal Security Service  
of Russian Federation

**TOP SECRET  
PSY-FILES**

Enter your password:  
\*\*\*\*\*

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"  
КАРТА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ  
доступ к информации ограничен

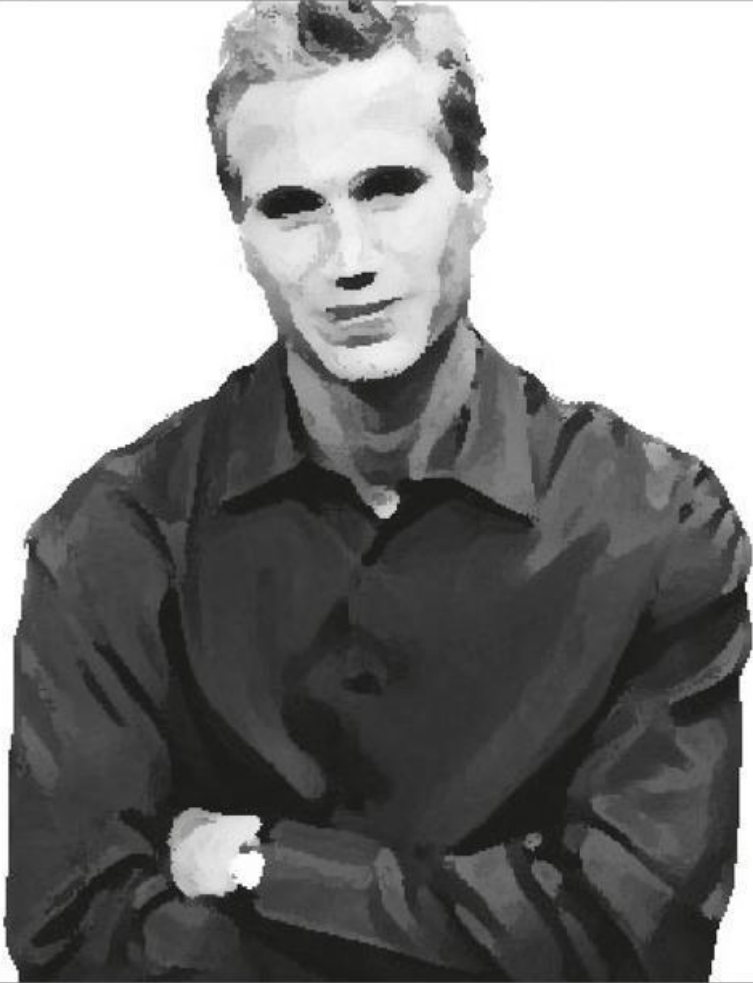
object name:  
Aless Lerois Sarsson

**САРСОН  
ЛЕРУА  
[АЛЕСЬ]**


пятый князь  
Радзивилл, сотр.  
ЮНЕСКО, эксперт

location of  
the object:

Постоянное  
проживание:  
Франция,  
Иль-де-Франс,  
Париж, 987070  
Пасси, 56.  
Энергетически  
стабилен.  
Объект снят  
с наблюдения  
01.10.02.



energy PSY-status of the object:



energy activity  
on a scale  
Shtrats-Gasselbah:  
**0-0477**  
weak medium

Молодой человек, выходя из машины, деликатно зевнул, что показывало его вкус к вежливости. На трость он слегка опирался, но шел легко, почти крадучись.

Уже темнело. Высокие окна главного корпуса были освещены, с набережных пахло сырым платаном и водой Сены – неистребимый запах легкой гнили и моченой тряпки, сопутствующий великой реке с незапамятных времен. Вышедшие из «бентли» обогнули угол, поднялись по каменным ступеням. Распорядитель кивком головы приветствовал их, взмахом руки послал в сторону нужной аудитории, расположенной большим полукружьем в амфитеатре, где в шестьдесят восьмом восставшие левачи курили гашиш и занимались любовью на кафедре.

На сей раз ряды амфитеатра блестели бриллиантами запонок и булавок, скромных двухсоттысячных коле и вызывающе простецкой джинсой, расшитой блесками в супермодном салоне. Каблуки от Armani хищно вгрызались в столетний пол. Галерка пахла баночным пивом.

На возвышении скрипичный оркестр играл инструментальную версию произведения Жана-Люка Дарбеле – симфонию «А». Мелодия оказалась хороша, а скрипачки, абсолютно голые, только с политкорректными картонными буквами «А» на нижней части худых животов – и того лучше. На большом плазменном экране за пустой сценой флегматично жарили крысу в темном квартале Гонконга. Та металась по сковороде и визжала, но этого не было слышно, так как фильм крутился без звука. Аристид Неро, человек в сапогах, и молодой сотрудник ЮНЕСКО, урожденный польский князь Алесь Радзивилл-Сарсон, уселись в одном из первых рядов. Придерживая рукой бархатные кресла, Аристид Неро шепнул:

– Иногда она начинает резать на сцене бычка или свинью, поэтому первые ряды весьма опасны. Но сегодня, кажется, обойдется без крови.

Последний аккорд Дарбеле грохнул крещендо, свет мигнул, как во время артналета, и из боковой дверки на возвышении появилась лектор.

Марика Мерди, профессор Сорбонны и член Парапсихологической академии со штаб-квартирой в Цюрихе, была женщиной невероятных размеров, которые вынуждали поверить в то, что ученым удалось скрестить слона и человека. Волосы ее, даже на вид жесткие, рыже-вато-медные, коротко остриженные, но не побежденные, торчали в разные стороны пиками и на лбу выгибались пышной получелкой-тюльпаном; в правом ухе – сразу две платиновых серьги. Могучий торс, руки, не сходившиеся на животе, ноги, напоминавшие колонны варварского храма... Этим ногам, а точнее – огромным уродливым ступням было явно нелегко носить такое тело. Поэтому Марика появилась перед публикой в своем привычном облике: в безразмерном белом пиджачном костюме и босой. Ни одна обувь не могла бы налезть на ее нижние конечности.

Аристид Неро снова наклонился к своему другу и с неожиданной нежностью погладил светло-каштановый локон над его ухом.

– Если вам будет скушно, мой милый Пяст, уедем немедленно.

Пяст только кивнул.

– Символам в наше время приходится жить во враждебном контексте. Все возвышенные слова, сказанные о них адептами в веке прошлом, сегодня звучат вдохновенной блевотиной духовных импотентов, замаравшей чистые плиты Парфенона... – Голос у Марики Мерди был глуховатый, но сильный и проникающий в самые дальние уголки аудитории; вероятно, этим она и брала публику. – Символ остается слишком узкой вагиной, чтобы в ней мог свободно себя ощущать фаллос современного мира! Русский поэт Иванов, посвятивший символу немало восторженных слов, определил его так: «Символ есть только тогда истинный Символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном, иератическом и магическом языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову!» Это лишь умножает неопределяемые стороны неопределяемого!

Марика говорила по-английски, потому что среди аудитории виднелись и типично арабские косматые головы, и узко вырезанные азиатские физиономии. Но цитату Иванова она повторила по-русски, и тогда на галерке понимающе захихикали: русские были здесь тоже.

Радзивилл-Сарсон сонно рассматривал голых скрипачек: соски их висящих грудей, кажется, покрасили кармином.

– ...то, что символ больше своей видимой и доступной вашим пороссячьи мозгам части, понятно и так. Он и ключ к замку, и замок в двери, и пенис, и презерватив на нем, предохраняющий чистоту символа от опошления СПИДом рекламного толкования. Он – даже не дверь, а пролом в стене, отделяющий явное и явленное от не-явного, феноменальное от ноуменального, тленное от вечности, разложившиеся кишки от сохранившего часть жизни мозга. Или это рука «оттуда», выглянувшая из марева будней? Или пинок ноги, выбивающей стул из-под ног тянущегося к небу и повешенного за дерзость на собственном галстуке? Или это Венера, автосодомизирующая рогами собственного целомудрия, я вас спрашиваю? Парадоксально звучит,

но Небо ближе могильным червям, честно и несуетно делающим свою работу, этим милым скользким опарышам гниющего мяса, нежели тем, кто мастурбирует сознанием на подставках и лестницах. Только ангелы величаво восходят и сходят по ним, не замечая дерьма, обрызгавшего ступени, которых коснутся их босые подошвы. Но для того, чтобы следовать за ними, нужно – нужно, слышите? – их разглядеть. Тут не обойтись без зорких глаз Иакова, утопленных вами, в большинстве своем, в нечистотах городской цивилизации.

International Centre  
for the Registration  
of psychoactive objects

Federal Security Service  
of Russian Federation

TOP SECRET  
PSY-FILES

Enter your password:  
\*\*\*\*\*

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"  
КАРТА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ  
доступ к информации ограничен

object name:  
Mariques  
Francoise Merdit

МЕРДИ  
[МАРИКА  
ФРАНСУАЗА]

Психолог, лектор  
Национального центра  
NCRPS (Сорбонна)

location of  
the object:

Постоянное  
проживание:  
Франция,  
Швейцария,  
Испания (без  
локации)  
Энергетически  
нестабилен.  
Объект под  
текущим  
наблюдением  
(мониторинг)



energy PSY-status of the object:



energy activity  
on a scale  
Shtrats-Gasselbah:

0.5999

strong arm

Она сделала передышку, и гологрудые скрипачки взвыли таким мощным визгом, что зрители тревожно зашевелились. А Марика, отпив из бутылки с неразличимой этикеткой (впрочем, с первых рядов было видно, что это контрабандный Guinness), продолжила:

20

– Распространено заблуждение в том, что символ принимают только в виде знака, картинки, образа. Это манихейская уловка тупоголовых животных с мобильными телефонами и ядерными чемоданчиками, этих импотентов газетных полос и дерьмовой Всемирной Паутины. Они хотят увидеть это глазами, но их глаза – не более чем геморройные прыщи их хлипких задниц! А как же другие органы чувств? Им отказано воспринимать символы? В далекой варварской России художник рисует членом, даже не эрегированным – эрекция только мешает! Заблуждение пронизывает всю изначально сифилитичную иудеохристианскую цивилизацию, уже рожденную изначально убогой от Вавилонской Блудницы и покорно вылизывающую ее экскременты на пире Времени. Восточная и только восточная парадигма, дабы вытолкнуть человека, эту глупую капсулу с дерьмом, в пространство Священного, оперирует несоизмеримо более тонкими каналами, открытыми и отрытыми в нем Создателем. Танцы, ароматы и музыка, созерцание мандал и асаны, тантрические прикосновения рук, пяток и ягодич, со-осязание пожирающего плоть огня и удерживание его на кончике пениса, мешая тому излиться, чувство холода змеиного тела – все это, даже чувственное, принужденное западной культурой к проституированию в рекламном бизнесе, все работает на «иное». Результат столь велик, что наша западная эстетика скулит и заворачивает хвост под собственную задницу, корчась в шизофренических муках непройденного оргазма. А адепт, столь несхожий с мирянином в его имбецильно-профаническом состоянии, что может испугать обывателя, жрущего дерьмо в упаковках покетбуков и на грязной простыне телеэкрана, торжествует. По его лицу своими грязными, но священными пятками топтался сам Бог, и такое имитанту не вообразить, а симулякром здесь не отделаешься!

Гигантский кулак женщины, выпроставшийся из ее белого невесомого рукава, ударил в дерево кафедры, и аудитория загудела, отзываясь каждой своей древней половицей, не переставшейся со времен Луи-Филиппа. Скрипачки уронили смычки. А Марика прижала ко рту бутылку, и в тишине прозвучала короткая симфония жидкости, большими глотками вливающейся в ее горло.

– Друг мой, – тихо спросил Алесь. – Вам не видно: у нее есть усики?

– Вероятно, – так же шепотом ответил Аристид. – У нее мощная энергетика.

– ...С крахом последней магической империи Советидов, – гремела женщина с возвышения: казалось, она давно вознеслась под лепной потолок аудитории и парит там, подобно Последнему Ангелу, – на территории европейской ойкумены войны символов ушли в прошлое, и мы стали спокойно давить прыщей гностицизма на наших потных, уставших от вдохновенного ожидания третьей мировой, лицах. Кстати, для русских, присутствующих в зале, специально скажу: именно кормление молоком своих дряблых грудей гигантского недоразвитого младенца красного символизма, напрочь оторванного от реальности, послужило последней причиной падения Красного Колосса, уступившего в финале свою роль вялому пенису – колбасе! В пространстве Священного, изрядно загаженном отрыжкой дешевых идеологических спекуляций, заплеванного шелухой идеологом, появился новый архетип, подобный дракону великой материи или плененной анимэ. Ведь до этого создатели систем глобальной лжи, эти говенные выкормыши Оруэлла, разводили пространство на два края, формируя формальное удаление: черное – белое, Де Голль – НАТО, доброе – злое, педераст – традиционал, сыновья света и сыновья тьмы, воинство Христа и Антихриста, Ормузда и Аримана...

– Не очень политкорректно, – прокомментировал Радзивилл. – Но скрипачек они набрали хороших.

– По сто франков за час, друг мой. С такими задами даже на Монмартр не выйдешь.

– ...Сфера символизма заужена и изнасилована либидным восприятием промоушна. Фактическое содержание облекается в мифические формы с упорством садиста-кастрата, отрезающего себе орган воспроизводства по кусочкам! Оно производит не ботинки, а дорогу в рай для ваших подагрических ступней, не бульонные кубики, а эликсир вечной жизни и марания



унитаза! В товаре все должно быть «самым-самым», сфера символизма в его актуализации сведена к нескольким ублюдочным архетипам. Товар служит средством переноса вашей гнилой субстанции из профанического, серого мира, из его заплывшей сладким гноем Привычной Картины в мир детской безмятежности, абсолютной свободы и вечного блаженства. При этом конечный потребитель – это Пользователь блаженства, это уродливая, скотская, воняющая потом и спермой тварь, имя которой – Мужчина! Женщине в этой мистерии отведена роль помойной корзины, куда сливают прокисшие сливки менталитета и сваливают обертки от разжеванных чужими слюнявыми ртами мыслей. А планы промоутеров идут все дальше! Они не спят. Символ – не только знак, он – часть мифа, а миф образует ядро Ритуала, ergo<sup>2</sup>, и сам процесс покупки-приобретения товара становится ритуалом, актом массовой дефекации, совокуплением с целым универмагом и каждой его смазливой продавщицей! И вы не просто пьете молоко, вы пьете его потому, что ваши далекие предки, грея свои задницы у коровьего вымени, выжили и окрепли, а вы теперь, чтобы почтить их память и приобщиться к духовной их мощи, вы пьете ТАКОЕ ЖЕ молоко... А если вы будете делать это регулярно, как мсье Жан, да еще мастурбируя в метро по дороге на работу, вы будете очень счастливы и проживете, как он, до ста пятидесяти лет, правда, не узнав об этом, – вам будет НЕКОГДА ДУМАТЬ, ибо в шестьдесят вы будете страдать от мочекаменной болезни, выжимать в день пару капель мочи и отдавать свои деньги легиону мерзавцев-фармацевтов, испытывающих на вас, жалких лабораторных крысах цивилизации, плоды своего воспаленного сублимирующего мозга!

С галерки остервенело захлопали, хлопки слились ручьем по ступеням вниз, и даже сидящие впереди Аристид и Алесь сложили ладоши. А Марика отшвырнула куда-то назад бутылку, уже пустую, ступила пару шагов вперед – ее босые, белые, распухшие ступни повисли над краешком возвышения, как над бездной, – и проревела:

– Вы находите на упаковке товара ВСЕ: историю обретения счастья, вечное блаженство, радость Творца... Змей вползает вам в душу, в зад или в вашу жаждущую проникновения вагину. И вот вы уже, связанный и стреноженный, стоите у прилавка и переводите несуществующие деньги из одного ослиного банка в другой, оплачивая ненужные запонки к несуществующим в вашем гардеробе рубашкам! Вы кричите о том, что исламский мир наступает вам на пятки. Вы жалеете свои машины, разбитые палками мусульманского квартала! Но вы уже пропустили тот момент, когда горячее дыхание ислама опалило волосы на ваших заплывших затылках. Оно настигло вас тогда, когда вы обсуждали браки между геями, педофилию среди католических иерархов, тысячедолларовый педикюр для собак, и когда вашими пророками стали не воины и герои, а трансвеститы и модельеры! И вот к границам вашего зажиревшего, успокоенного, слюняйского болота приблизились орды тех, для кого бог жив, для кого он не формула и не логарифм, для кого он не нуждается в доказательстве, а для кого он – Символ всех символов! Они не уповают на судебные инстанции и общечеловеческие ценности, и в жилах потомков викингов давно уже не кровь, а водица. И эту водицу, а не кровь христианских младенцев – нет у них ее! – выпьют те, кто хочет напиться. Невозможно находиться над схваткой в эпоху нового средневековья – в эпоху простых и ясных решений: таких же простых, как и сам символ!

Зал взвыл так, что скрипачки попятились, болтая картонными «А» на бедрах. Женщина утерла большой рот с вывороченными губами, отбросила назад клочок своих светлых волос, закрывавших не только ее бугристый, в оспинах, лоб, но и страстные, вдохновенные глаза пифии, и тоном потише продолжила:

– Это и есть конец иудеохристианства, этого нарыва на щеке великой земли, испортившего ее плоть и увязшего в ее раскисшем мозге! Глобальная ДЕ-градация, по Ричарду Генону, входит даже не в священную декаду, а в комбинацию двух пальцев, переключающую прими-

<sup>2</sup> Ergo – следовательно. (Лат.)



тивную команду в электронном чипе вашего ноутбука. Чем отличается аватара долбанного геймера, неделями бродящего по темным лабиринтам Quake и пока еще способного вернуться, чтобы сходить на горшок или перекусить, или же все это одновременно, от ангелов Еноха, тоже сначала, во время оно, сходивших к земным утехам и восходивших затем к небесному утешению, но забывших все-таки, в объятиях земных шлюх, дорогу к Отцу?! Человечество, оставив без внимания – кстати, не без помощи старого пердуна Эйнштейна – мечту о Небе, активно осваивает дорогу. Но это дорога вниз или, как говорят русские, в жороу, из реальности в кишечно расположенную цифральность, в inferнальный мир Дуады, которые вскоре населят наши ники и аватары, безглазые, бестелесные адреса электронной почты и пойдут гулять по цифровым лабиринтам, все более и более забывая о лежащих в креслах телах! И если это произойдет, уже не в салонах и форумах, уже не в вонючих аудиториях с похотливыми профессорами, а в гигабайтных каналах, тогда будут вестись дискуссии о том, есть ли у символа, проявленного в цифральности уравнением...

В этот момент сзади резко запахло после того, как раздался звук будто бы разгрызенного каштана. Алесь поморщился и обернулся. Веснушчатая толстуха, судя по лицу – откуда-нибудь из деревенской Нормандии, сидела, выпучив голубые глаза и стиснув от стыда зубы, увязшие в коме жевательной резинки.

– Друг мой, она сказала формулу? Merde, я пропустил...

– Мой милый Пяст, это несущественно!

– ...ответная часть в мире изначальных идей – или это пустая абстракция, детская греза фрейдистской размазни о ласковом теплом солнце коллективного бессознательного?!

Видно было, что лектор выдохлась: самолет ее речи, сливая остатки словесного горячего с полных дикарских губ, неся к земле, норовя достигнуть спасительного аэродрома. Она покачнулась на своем уступе, но не упала, и было видно, как без того белые пальцы босых ступней побелели еще больше, крепче вцепились в металлический уголок ступеньки.

Видно, это был еще не катарсис.

Марика вытянула вперед руку-ствол. За ней какой-то человек в белых одеждах, с темным лицом и маленькими, прижатыми к коричневому, острому черепу ушами, по-обезьяньи согнувшись и ковыляя, вынес на возвышение ширму с белыми панелями и два металлических, сверкающих, как жертвенники, таза.

– Говорят, все русские моются в таких бадьях! – заметил Аристид, трогая друга за руку. – По-моему, это очень эротично... Как только они там не тонут!

Но рука торчала, а голос грохотал над ними, подобно буре.

– ...Вы – просто слепые овцы, которых стригут тонкие властители идей, а в ваших разжиревших душах нет обновления ливнем, вы забыли, как пахнет трава! Ты! Встань и подойди ко мне!

Казалось, палец ее руки чудовищно удлинился и, вытянувшись, ударился в лоб поляка. Он машинально уклонился, но сзади снова треснул корочкой каштан... Алесь посмотрел назад. Лупоглазая, обсыпанная ересью веснушек, крупных, как ягоды, и неисправимо очкастая толстуха, вставала со своего места, словно загипнотизированная. Скорее всего, так и было.

Она спускалась вниз. Палец Марики вел тело, тащил к себе. На девице – белая простенькая блузка, синяя юбка провинциалки и китайские кеды на очень белых, полных ногах с тугими икрами. Аудитория затаила дыхание. Вот девица поднялась на возвышение, и неумолимый палец послал ее за ширму. Невидящими глазами глядя в зал, девушка скрылась за ширмой...

– Очистительный душ, который вам всем предстоит принять, должен смыть с вас остатки иудейского ханжества и христианской кротости. Омойте себя собой, войдите в эту реку дважды, ибо вы должны поцеловать те ворота, из которых вышли! – звенела лектор.

Но когда она смолкла на секунду, в тишине явственно послышался звук: так доящееся молоко коровы струйкой бьется о край бидона. Но билась сейчас о дно лохани совсем другая струйка. Поляк с Аристидом понимающе переглянулись. От ширмы пахло...

Вот девица вышла из-за ширмы, с заклеенным какой-то тягучей улыбкой лицом. В руках она держала лохань, в которой что-то плескалось. Марика ничего говорила, только палец ее вел девушку. Повинуясь этому пальцу, та встала перед второй лоханью, неуклюже, по-детски неуклюже, бесхитростно, за пятку стащила со ступней китайские кеды, показав дешевый алый педикюр, и стала ногами в таз.

– ...ибо это – все, что вы можете сделать!

Девушка подняла над головой вторую лохань, молча опрокинула ее на себя. Желтая жидкость оросила ее пепельные волосы, лицо, плечи. Запахло резко, как в общественном туалете. Вот блузка на груди девушки намокла, густо и ярко обнажая отсутствие белья и крупные, бесформенные груди с большими кружками. О дно лохани-таза звонко бились капли.

Как только она это сделала, Марика Мерди потеряла к ней интерес и убрала палец. Та, мокрая, источающая запах мочи, вдруг очнулась, ощупала мокрое лицо – с подбородка густо лило – и завизжала от ужаса, поняв, что она сотворила перед всеми. Но это не помешало Марике: тотчас уже двое черных, обезьянистых, выскочили из двери подготовительной комнаты и с профессиональной ловкостью уволокли и тазы, и визжащую мокрую дурочку, и ее синие китайские кеды. Аудитория бесновалась: это был тот самый *horreur*<sup>3</sup>, который все всегда ждали от выступления Марики.

– Возможно ли новое Небо? Будет ли под нашими ногами новая земля?! – воскликнула Марика Мерди, перекрывая шум легко, на той окончательной надрывной ноте, на которой знающие выводят «Бессаме мучо»! – И можно ли войти в священное пространство Будущего ватагой, гурьбой, не толкаясь задницами – истинными арийцами или утерянным коленом? На карте «Солнце» из старших арканов Таро изображена пара – Адам и Ева. Но солнце ПОЗАДИ них, оно дует им в спину, оно плюет в нее! Все. Планетная модель замкнулась. Три силы идут на смену ему. Три – я их вижу, силы Гаспара, Мельхиора и Валтасара, с Юга, Востока и с Севера. Они размешают это дерьмо большой поварешкой. Они сварят эту кашу, ибо Царевны, грядущие повелительницы мира, как любая истая женщина, искусны в приготовлении пищи... Иудеохристианство пожрало самое себя. Оно сгнило и отравило пространство. Нашу планету, обмазанную дерьмом, надо поджечь одной спичкой, чтобы на плодородном пепле, покрывшем затем этот никчемный футбольный шар, недостойный даже одной какашки нашего Зидана, выросла новая поросль, свободная от трихомоннелеза прежних заблуждений и догм! Выйдя за солнечный свет, мы снова ступили на шаткий серп Луны. Стоило же неимоверными усилиями превращать черный свинец в золото, когда под тонким слоем короля металлов нам открылось пошлое серебро! Все. Пора ставить точку.

После этого аудитория потонула в овациях, скрипачки выбросили в воздух мощный аккорд музыки Дарбеле, рванувшийся диким воплем: «А-а-а!» – и потянулись к выходу. Смычки колыхались у их поджарых ягодиц, как опахала. На гигантском экране китаец разрубил крысу, уже изжаренную, оторвал ей голову и сгрыз вкусно, как грушу. Марика отступила, оперлась о кафедру, что-то бросила в приоткрытую дверь. Волосатая рука подала ей свежую, открытую бутылку, тускло блеснувшую капельками на горлышке; лектор опрокинула ее в глотку, показывая мощный мясистый кадык, и хрипло бросила в зал, даже не целясь в микрофон:

– Вопросы!

Задавали вяло. Видно, Марика на это и рассчитывала. После ее речи, раздавившей аудиторию, как перезрелый виноград давят в Шампани бульдозеры, та просто не могла собраться

---

<sup>3</sup> *Horreur* – ужас. (Фр.)

и придумать толкового вопроса. Только поднялась тоненькая смуглая девушка и спросила про веру в Бога. Лектор отбила пас с феноменальной ловкостью.

– Свято место пусто не бывает... Принцип Лагранжа в уравнении души. Чаше смотрите на свою задницу, и вы уверуете в нее. Следующий!

Седоватый старичок поинтересовался, сколько раз она кончает при нормальном половом акте. Лицо Марики пришло в движение:

– Примерно на полведа... Следующий!

Кто-то еще, кого не видели ни Аристид, ни Алесь, спросил об обуви, явно намекая на самую Марику. Этот вопрос ей понравился:

– Ноги – это лицо женщины. Эротизм перешел от видимой части – туфли, ее каблук – на то, что под ней, под чулком или носком... Зачем мне прятать свое лицо? Каблук – это зебб, фаллос мужа. Разве вы видите со мной рядом хоть один стоящий фаллос?

В зале засмеялись. Кто-то уже уходил, и двое из «бентли» тоже пошли к массивным дверям. Поляк поигрывал тростью. Уже спускаясь по ступенькам в душной темноте улицы Суффло, он заметил:

– Ход мысли, право, завораживает. Неужели нам всем придется испытать хлыст Госпожи?

Мотор машины заурчал тихонько, сыто; «бентли» покинул парковочный ряд так же деликатно, как и вошел туда. Хлопали дверцы. Мелькали серебряные каблуки дорогих босоножек.

Автомобиль обогнул здание Пантеона, светившееся в темноте, как огромный торт, свернул на рю Кардинал, затем проскользнул по улице Фосс. Когда впереди замаячили вереницы фонариков моста Сюлли, Аристид Неро спросил мягко:

– Мой дивный Пяст, может, по стаканчику шабли? Напевы этой сирены возбудили во мне дельные мысли...

– Отчего нет? Здесь?

– Да. *Magie de Lovelas*. Лепные потолки, расписные стекла... Типично парижское, старое и доброе местечко, поверьте мне.

– Неужели тут подают ратототан?

– Возможно.

– Друг мой, вы фантазируете... Сыр ратототан в Париже – это из области чудес. Иисус Навин не позволит Луне второй раз пройти через его рукав!

– Посмотрим, дружище!

## Новости



«...Один из главных воротил сегодняшнего политического пиара в России, директор агентства „РРавда“ Константин Кулеваки говорит мне в темном кабинете ресторана „для своих“ где-то на Шаболовке: „То, что происходит в структуре бывшего Кей-Джи-Би, иначе как шабашем не назовешь! Вытащили из небытия дедушку Рагозина, который был личной гадалкой Ельцина, создают какую-то службу то ли по борьбе с магами, то ли по их использованию“. Константин курит толстые доминиканские San Carlos Merida 56 при официальном доходе всего в \$128 000 в год – его тоже можно

назвать магом. Русский пиарщик, заказывающий уже третью порцию виски, говорит, что после их фильма „Ночной дозор“ про вампиров страна сошла с ума: все ищут волшебников, темных и светлых, и пытаются им подражать. А я тем временем вспоминаю, как нехорошо смотрели на нас двое русских кавказской национальности, когда мы заходили в этот кабинет, взявшись за руки...»

*Джим Гверengi. «Волшебная Москва»*

*Newsday, Нью-Йорк, США*

## Тексты

### Аристид Неро – Алесь Радзивилл

Мужчины расположились под большой аркой ресторана – отсюда сквозь зеркальное окно открывался вид на выставленную перед ними громаду собора Нотр-Дам, а огни проносящихся машин оказались ниже уровня глаз и не отвлекали. Метрдотель, подвижный, полноватый – наверняка алжирец (Алесь поморщился) – приблизился. Выслушал заказ. Кивнул круглой головой ровно настолько, насколько это было нужно.

Аристид достал из внутреннего кармана френча темную Cohiba San-Valenso, через семь секунд ее кончик рухнул в хрустальную пепельницу, срезанный лезвием гильотинки.

– Серп... – задумчиво проговорил Аристид, провел отрезанным кончиком по полоске усов, покачал бритой головой. – Знак Кроноса, сына Геи и Урана, не так ли, милый друг? Гея выковала серп для мести Урану, то есть Небу – а Небо сейчас косит нас, как спелые колосья... Вы так пристально рассматриваете эту вилку, что я начинаю думать, что пламенная Марика заронила в ваш ум нездоровые мысли о фаллосе!

– Да нет, – молодой человек скривил чувственные губы. – Как все-таки низко пал и опошлелся Париж!

– Вы думаете?

– Конечно. Это мельхиор. Раньше везде сервировали столовым серебром... Так что вы хотели сказать?

Аристид раскурил сигару, слегка промяв ее в длинных тонких, с темным пушком на фалангах, пальцах.

– Ну да... Вы обратили внимание на скрипки? О, я вас умоляю... Переход от потенциальности к актуализации. По Каббале: Алеф – Троица в Единстве. Графически – напоминает Андреевский крест. А классический большевистский Пентакль – пять «А». Кстати, почему они с голой грудью? «А» – это проекция груди в человеческой фигуре. Но это опустим, друг мой... На самом деле то, что сегодня так эффектно преподнесла парижской публике мадам Марика... а по-другому доносить не имело и смысла, ибо публика, признаться, порядком пресыщена!.. конечно, глубокая суггестия... Но это было показательно. Заклание агнца в жертвенной моче... Так вот, все это, как ни странно, правда. Истина! Я сам замечаю на себе этот горький ветер перемен.

Метрдотель, бесшумно оказавшийся рядом, наливал в бокалы вино из длинногорлой бутылки, обхваченной крахмальным полотенцем. Алесь требовательно следил за каждым его жестом; вот напиток, источая слабый цветочный аромат – шабли всегда отдает цветами, – опустился на стол. Легкий кивок головы. Бутылка встала на поднос, в серебряное ведерко, и метрдотель исчез. Блюдо с ломтиками сыра таяло под куполом из серебра и хрусталя.

– ...И дело не в банальном противостоянии Востока и Запада, ислама и традиционного христианства. Дело в другом. Ну, друг мой, попробуем?

Они отпили по глотку, смакуя; Алесь высказался:

– Это Petit Chablie La Chablisien, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года? Признаться, я люблю сорта более ранних годов... Немного кислит?

– Да, пожалуй, вы правы.

– А ратототан превосходен! Sic!<sup>4</sup>

– Подтверждаю.

– Так о чем вы говорили, Аристид?

---

<sup>4</sup> Sic! – Именно так! (Фр.)

Бритоголовый посмотрел на собеседника с досадой и сказал, вибрируя сдержанной ревностью в голосе:

– Мой чудный Пяст, вы слишком долго смотрели на голых скрипачек... Они полностью уничтожили эгрегор вашего интеллекта. Неужели их худые зады вам понравились?

– Отнюдь.

– Ну, тогда я удовлетворен. Видите ли, мой сладкий Пяст, приближается смена эпох. Двадцатидевятилетний цикл Сатурна – тысяча девятьсот двадцать четвертый, пятьдесят третий, восемьдесят второй, две тысячи одиннадцатый... так?

– В восемьдесят втором моя маменька зачала меня в номере «Рица», – улыбнулся молодой человек. – Откровенно говоря, это был тогда такой сарай...

– Да, вы совершенно правы. Так вот, цикл Сатурна. Большие перемены. И шестой цикл Превращения Бога по Абракасу. Египтяне жили в первом. Гексада стала явью, круг действительно замкнулся, сколько бы Марика ни пугала добрых парижан своим громоподобным «Merde!» Я все думаю, кто придет на смену?

– Очевидно, цивилизация андрогинов.

В тишине ресторана плавали тени – от серебряного ведерка с бутылкой на серебряном же подносе. Или он только притворялся серебряным, как и собеседник Алеся – спокойным? Большие окна молчаливо сохраняли мелко искрящую темень. Листья роскошных олеандров отгораживали их от остального зала, образуя подобие Гефисманского сада.

– По крайней мере, не цивилизация простейших пожирателей женщин, – Аристид тонко усмехнулся, губы – ниточкой, усики – арифметической дробью, в числителе – сарказм. – Ибо этот круг точно закончен. Женщина стала товаром бесповоротно, ее оседлали и укрыли вакуумной упаковкой. Идея иудеохристианства о непорочном зачатии сыграла дурную шутку: мужчина из этой схемы устранен, женщина уничтожена, остается... что? Пустота.

– Значит, снова, как в четыреста тринадцатом, соберется Эфесский Собор и вернет Деве Марии ее изначальный облик Артемиды.

International Centre  
for the Registration  
of psychoactive objects

Federal Security Service  
of Russian Federation

**TOP SECRET  
PSY-FILES**

Enter your password:  
\*\*\*\*\*

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"  
КАРТА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ  
доступ к информации ограничен

object name:  
Aristide  
Paule Nheros

**НЕРО  
[АРИСТИД]**

управление криминальной  
полиц. деп. Иль-де-Франс,  
МВД Франции, нач. особого  
отдела по антитеррору

location of  
the object:

Постоянное  
проживание:  
Франция,  
Иль-де-Франс,  
Париж,  
117600, иври,  
рю лиссабон.  
Энергетически  
стабилен.  
Объект снят  
с наблюдения  
08.11.02.



energy PSY-status of the object:



energy activity  
on a scale  
Shtrats-Gasselbah:  
**0-1455**  
potencial medium

– Боюсь, что нет, мой друг! Никаких соборов. Будущее уже стучится в двери. Что будет с Европой, понятно: как некогда Рим убежал в Византию, растворившись в ней, так и соединенные штаты Европы убегут на север. Новая Византия – Дания, Швеция, Норвегия. Южный этнос туда не пустит банальный северный климат. Но вам придется, милый мой, расчищать снег с крыши.

Поляк поежился.

– Да, это ведь на широте Сибири? Или я что-то путаю... В России всегда много снега.

Аристид отпил еще вина. Вилочкой поддел ломтик сыра, полюбовался переливами его цвета – от янтарного к коричневому.

– Восток образует халифат на том месте, где мы с вами сейчас пьем шабли. Думаю, шабли от этого не пострадает: ислам благоволит туризму. По крайней мере, сами они это не выпьют!



Но я боюсь прихода Третьей Силы. Она сметет и ислам с его бородатым карлой, и недоеденные остатки византийства. Кто это будет? Кто будет Третий?

– Иудаизм. Не иначе, – рассмеялся поляк.

Аристид скривился, как будто на дне бокала обнаружилась касторка.

– О! Не смешите меня, мой друг... Это синайская песочница для кучки слепцов с медными семисвечниками и потными лбами? Это нудное мочеиспускание вечных истин? В иудаизме есть только одна здоровая сила – Каббала, но и она опошлена западными перебежчиками. После того, как каббалисткой стала Мадонна, можно открывать дискотеку под Древом Сефирот... Нет, иудаизм сам себя разменял на медяки. На этом куске суши, где плачут дети Вечного Жида, уже ничего не вырастет. Даже ливанский кедр – и тот хорош только для их гробов... да, пожалуй, для искусственных фаллосов в секс-шопах. Что у нас остается? Латинская Америка – это мешок с дерьмом, коммунистами и какао-бобами, однако он завязан туго, а плод, который перевязан... тоже пустое.

– Китай? – предположил Алесь – Мощная эманация конфуцианства...

– ...запутавшаяся в собственных сандалиях, – закончил за него Аристид. – Китаец, встав с утра, думает, как брать мотыгу: по-даосски или согласно учению Кон-цзы? Боже мой, оно закончилось, как только Лао-цзы исчез на окраинах Поднебесной, оставив начальнику пограничной стражи Книгу Перемен... Конфуцианство само стреножило себя, замкнувшись на своем континенте и оторвав в Европу только чай, порох, книгопечатание, мандариновое дерево и монголов. Его бег остановлен. Япония? Синтоизм – несерьезно. Детская игра в самураев, *kazaky-razboyniki*... Сплошная сакура и гейши. У Тарантино в «Убить Билла» получилось куда как лучше, и то его меченосных женщин обучает не японец, а китайский мастер, обратите внимание! Как сказала бы наша Марика, Япония – это не более чем посткоитальная вагина восточной Азии, опустошенная второй мировой и конвейерной сборкой «тойот» по системе «канбан». Нет, мой дорогой, ждать мессии нам надо только в стране варваров. В России.

– Они умеют ждать, согласен. Там сначала выпьют, потом закусят, потом выпьют еще, – поляк на этот раз подавил зевок, – а потом пойдут кланчить на новую бутылку. Все их непроснувшиеся джинны – в бутылках. Водки.

– Но вы упускаете одну деталь...

Аристид хитро улыбнулся. Возникшего метрдотеля он обратил в прах одним движением руки и, обнажив худое, жилистое, словно выкованное из стали запястье, сам налил вина им обоим.

– Там могучий Север, – задумчиво протянул он, – Дремлющая Арктогея, Белое Царство. Но боюсь, спать она будет еще очень долго! Есть другая сила. И я вам ее назову.

– Кто же?

– Цыгане... – смакуя это слово и последовавший за ним глоток вина, ответил Аристид.

Поляк расхохотался, чересчур громко для аристократа, и заметил, что сидевшая за боковым столиком с бокалом светлого перно молодая женщина в струящемся красном платье обернулась на них. Она была почти скрыта ветками растений, хорошо видны только черные волосы, ниспадающие кудрями на плечи. И еще поляк заметил, что туфли красавицы небрежно валялись сбоку стола, показывая белую набойку каблука, а босые ступни женщины, изящные и вылепленные, как лучший кубок Челлини, покоились на синем ковре. Кажется, она с наслаждением шевелила голыми пальчиками! Она отдыхала.

– Вы меня рассмешили, Аристид! Поздравляю.

– Ничего смешного. Смотрите шире: мы имеем практически многомиллионное войско, рассеянное по всему миру. Мы сварены в нем, как в бульоне... Причем это общество со своими законами, уставом, нравами. Говорят, что закон не вокруг цыгана, закон внутри него! Легче попасть в Исламский университет Аббасидов, чем стать своим в цыганском таборе. Помните Сервантеса, «Цыганочку»? Героиня Сервантеса ведет себя совершенно логично, заявляя, что

поначалу молодому человеку следует два года прожить в таборе, не прикасаясь к ней, и только после этого «испытательного срока» будет сыграна свадьба. Вот так-то вот – ДВА ГОДА!

– Это все равно останется на вашей совести, Арис...

Видимо, его друг взволновался, ибо он вдруг цепко схватил поляка за локоть и этим вынудил оторвать глаза от покачивающейся ножки (черноволосая женщина закинула ногу на ногу), но, устыдившись своего порыва, руку отнял. Алесь уже допивал вино.

– Может быть, может случиться... Цыгане – это ведь наследники индийской культуры, наверно, самой древней после Египта. В принципе, все это вышло из долин Тигра и Евфрата. Они недооценены. Вы знаете, мне снился сон... Что родилась великая Цыганская Царевна. Собрала свой народ и... И куда мы с вами будем бежать, милый мой?

– У цыган повелевают мужчины, – заметил поляк.

– Да, это так... но пока не родилась Великая Волшебница. Мы судим о них в соответствии с привычной картиной мира, не допуская чуда до этих несчастных. Но помните, как у Екклесиаста? «Чудо пробуждает в человеке кротость, которая сразу пожирается зверем желания».

Там, наискосок, произошло движение. Как-то неслышно вдали проплыли по воздуху каблуки и тонкие их ремешки: черноволосая удалилась, держа обувь в руке. Интересно, какая у нее машина? Mercedes Brabus? Jaguar? Или Ferrari...

Аристид, странно кривя губы, движением подозвал метрдотеля; тот явился уже с золотым карандашиком. Не разжимая рта, бритый показал глазами на столик и обронил:

– Кто?

– Венгерская баронесса Кариаки, джентльмены. – Они увидели лишь блестящую макушку метрдотеля, но не его глаза. – Инкогнито.

Конечно, никакой благодарности не последовало. Через несколько минут мужчины спустились по лестнице к белой машине. У самой дверцы бритый Аристид вдруг повернулся и положил сухую ладонь на щеку поляка. Ласкающе провел по его пухлым губам, нежному подбородку – рука упала, Аристид глухо пробормотал:

– Вас погубят женщины, дорогой Пяст... Хвала Господу, что это была не цыганка. Вы хотите еще вина? Да? Отлично. Мы закажем его в номер.

Белоснежный «бентли» рванулся по набережной в сторону Сен-Мишель. Париж, сочный и густой, как настоящий фондю, и ароматный, как луковый суп, сырно светящийся небоскребами Дефанса, с торчащей в его горле рыбьей костью Эйфелевой Башней – Париж, раскрашенный ночью в маргаритовые и синюшные цвета, примирял всех. И меньше всего думал о том, что два человека, собиравшиеся этой ночью, как обычно, погрязнуть в грехе, коснулись удивительной тайны – великой и кровавой. Тайны, которая очень скоро затронет их самих. И несравненно более жестоко.

В то самое время, как метрдотель-алжирец провожал горящим взором мелькнувшую за гладью окон «белую рыбу», шепча своими большими, вполне по-галльски оттопыренными, но с нефранцузской синеватой каемкой губами страшные проклятия и этой «рыбе», и двум живущим в ее чреве педикам – уж педиков-то метрдотель различал мгновенно! – примерно за триста метров от него, негодующего, двое полицейских Речного департамента Центрального комиссариата полиции, ругаясь вполголоса, орудовали рычагами хитроумного устройства, укрепленного на небольшом патрульном катере с оранжевыми боками и синюшным, трупным огнем бортовых маячков. Происходило это на Сене напротив вокзала Аустерлиц, у Парка Скульптур под открытым небом, мягким зеленым подолом огибающего набережную Сен-Бернар. Свет рекламных щитов здесь не бросался на реку с яростью желтого зверя, мощные искатели-прожекторы освещали только топчущиеся у борта и жалко плещущие волны, а членистая, ярко-желтая рука японского робота, укрепленная на катере, все хватала в воде ускользающее нечто. Ему помогали две крепкие волосатые мужские руки, орудующие обыкновенным багром, не изменившимся за многие века.

– Вот она, дерьма кусок! – силпо сказал старший полицейский, самоотверженно кладя на фальшборт свою печень, расширенную от ежедневной порции красного.

Печень молчала, но отчаянно скрипел о железо мокрый прорезиненный плащ. Наконец робот сонно загудел и начал подымать из воды нечто, белеющее в свете прожекторов, белеющее отчаянно, мертвенно и поэтому неразличимое. ЭТО было свалено к ногам полицейских, обу-тых в грубые ботинки итальянской Noldi, шьющей свои чудовища в Турции. Но ОНО не рассыпалось по решетчатому поддону палубы, как серебристая треска или сельдь, а замерло бесформенной кучей. Младший молча защелкал кнопками, возвращая натруженные руки робота в резиновые рукава, старший швырнул в угол багор, как использованную зубочистку. Первый дал резкий, прорезавший ночную тишину вопль электросигнала-сирены и повернул большое, совсем как у старого автобуса, рулевое колесо. Катер, дрожа и пошатываясь, словно ошарашенный зрелищем, представшим на его палубе, совершил полукруг в маслянистой воде – почти на сто восемьдесят градусов – и автопилот, послушно приняв команду, повел рассекающую негромкие волны машину к одной из стационарных стоянок речного патруля.

Оба закурили, стоя у надстройки рубки, большие и неуклюжие в мокрых плащах: несмотря на духоту, приходилось их носить, ибо сырость реки проникала в каждую щелку, промачивала все, даже части тела меж пальцами ног, делая их вонючими. Они только не носили на реке кепи: форменный головной убор сдавливал, мешал. Младший курил лицензионные Dunhill без фильтра, а пожилой – ароматные немецкие Kabinet.

Оба если и смотрели на белеющую грудь на корме катера, то мельком. А если что их и удивляло, так это белая кожа неизвестной женщины; Сена любовно придает своим трупам всегда один и тот же серо-синюшный оттенок уже на второй день пребывания в ее гостеприимных водах.

– М-да, а голову ей небрежно откромсали, – заметил молодой, сплевывая за борт. – Мясищким типом, да?

– Ну, – откликнулся напарник. – Слушай, ты лучше скажи: правда, что у Лунь Ву на киске три больших бородавки?

– Натурально. Клер видел.

– Твой Клер соврет, недорого возьмет...

– Ха! Он спорил.

– Показала?

– Смотри, а титьки у ней так и торчат, – заметил молодой, то ли в тему сказанного старшим, то ли совсем наоборот, – наверно, ее того...

Старший хмыкнул, небрежно скользнул глазами по останкам:

– А спицы вязальные, старые. Такие у моей бабки были. Ты смотри, как они ей титьки проткнули – строго крест-накрест.

Младший кивнул. Ни он, ни его напарник не были жестокими людьми, но в полвторого ночи на сырой, холодновато шупающей туманом Сене говорить просто больше не о чем.

– Еще живая была, вот и торчат. Да, у этой, помнишь, которую мы подняли с реки у Лебяжьего острова, башка чисто была срезана, правда? Как бритвой.

– Ну... похоже на то. Бодри говорил, что профсоюзы добились нашим девятипроцентной прибавки, слышал?

– Слышал. Но это только по Иль-де-Франсу, он нажал там на кое-кого... Она азиатка, как ты думаешь?

– Да ну нее... Черт ее знает! Слишком смуглая.

– Это у меня кормовой фонарь так фонит. Пленка уже выцвела.

– Да нет, похоже... Ты вещи проверил?

– Разбежался! – Молодой зевнул; приближался пластиковый причал, оранжево-голубой щит Police Fluvial<sup>5</sup> и стоящий на спуске от набережной Сен-Бернар желтый Renault Megane Combi, похожий на беременного таракана, с золотистым светом внутри. – Пусть Ву проверяет...

– Черта с два она проверит. Видал, там уже трупники подъехали? Сейчас запакуют в мешок, прокурорские этим займутся. В морге.

Все, собственно, произошло так, как и предсказал старший, умудренный опытом. Обезглавленное тело с фрагментами юбки и нижнего белья и без каких-либо следов ранений, кроме воткнутого в него спица, принадлежавшее женщине в возрасте предположительно тридцати-пятидесяти лет, было бесцеремонно разложено на резиновых ковриках, сфотографировано несколько раз, изорвано в нескольких местах контрольными пробами кожи и мышечной ткани, а потом запаковано в хрустящий черный пакет. Санитары-арабы, освещая темноту своими белозубыми улыбками, как фонариками, задвинули носилки с телом в фургон «ситроен», и тот уехал, сердито ворча дизелем. Пока полицейские топтались у открытой дверцы легкового автомобиля, сидящая в нем дежурный следователь запаковала файлы полицейского архива, отправила с ноутбука копии в департаменты и округа, своему начальству, и спросила устало:

– Посторонние предметы, пулевые ранения, фрагменты колющих?

– Не было, – хмуро обронил старший.

Лунь Ву было около тридцати, и была она наголо бритой – череп правильной формы в свете лампочки салона отливал марганцевым оттенком – с колечком в правой ноздре невысокой китайкой с очень большими бедрами и жилистыми ногами, обутыми в ремешковые босоножки. Большой голый палец с квадратным двухцветным ногтем торчал вперед, как торпеда, а символические, узкие полоски очков без оправы перечеркивали ее лицо артиллерийским прицелом. Ву сидела в машине, одетая в черную клочковатую юбку и неряшливую рубаху, ее бледные пальцы молотили по клавишам.

– Завтра распишитесь в сдаче, – подытожила она. – И не рассказывайте, что у нее был при себе миллион золотом, принадлежащий русской мафии! Пока, ребята.

– Мадам Ву, – заметил старший, – а правда, что бородавки – это круто?

Китайка в плоских очках, острые груди которой рвали светлую ткань рубахи, смерила его взглядом и почти босой ногой нажала на педаль газа.

– Если только не на заднице, придурок! – ответила она. – Тогда это геморрой... Пока, мальчики!

Красный «Меган» умчался по набережной Сен-Бернар, скользнув в тень скульптур Музея под открытым небом, подсвеченного разноцветными прожекторами. Младший сплюнул на асфальт окурков, а старший наклонился и что-то поднял с серой плиты.

– Что? Нашел миллион русских копеек? – издевательски поинтересовался старший. – Поехали. Надо пройти еще раз до Лебязьего, может, кого снова поднимем...

Молодой задумчиво вертел в руках небольшое колечко из какого-то светлого, красноватого и по виду очень недорогого металла. Бронза, что ли?

– Что за дерьмо ты там собираешь, Эррен?

– Так. Кольцо.

– Откуда оно взялось? Из задницы у нее, что ли, вывалилось?! Пойдем.

– Ага. Тут же коврики лежали...

Пока они спускались по ступеням каменной лестницы, возведенной здесь еще при Георге Османе, чтобы удобнее было полоскать белье, младший крутил в пальцах кольцо. Наконец они зашли на катер; младший, становясь к пульту, заметил:

---

<sup>5</sup> Police Fluvial – речная полиция. (Фр.)

– Слушай, я вспомнил! Такое же было у той, у которой голову бритвой... Помнишь? Только в кулачке.

– Ей что, тоже скальп с живота сняли? – осведомился старший.

– А черт его знает... Но кольцо было.

– Ладно тебе. Смотри, как китайчонка взъелась насчет бородавок, а? Выходит, я должен Жоздри пять евро?! Ах, каналья... Ты Клеру скажи, что он может спорить наверняка.

Разговоры затихали. Патрульный катер шумно уходил вниз по Сене, к Лебязьему, пропадая и из власти огней, и из нашего рассказа.

## Документы

*Подтверждено источником: <https://wikileaks.org/wiki/Assasin>  
0904323-2123429898-p255\_confidential\_reports*

*Строго секретно. Оперативные материалы № 0-895A-8897986*

*ФСБ РФ. Главк ОУ. Управление «Й»*

*Отдел радиоперехвата*

*Перехват телефонного разговора в рамках операции «Тетрада»*

*Париж, Авеню Шампобер, 014607-5303 – Новосибирск, 523-97-77*

*Фигуранты: Майбах – Пилатик*

*Перехват 0:45–5:32*

*Начало устойчивой связи: 0:54*

– ...Вы что-нибудь можете без меня? Сделайте ему рожу сзади, и все! Извини, Эрастик, приходится отвлекаться. Ну, и как там у вас погода?

– Тепло, но дожди пошли.

– А у нас плюс восемнадцать, и все эти мымры-француженки надели плащи... Думаю, надо приказ вывесить о запрещении плащей и колготок, пусть закаляют свои галльские ляжки. Ты сейчас в отпуске?

– Какое там! Половину не отходил, выдернули...

– А чего? Массовое убийство? Теракт?

– Почти. Товарищ приехал из Горно-Алтайска, от какого-то местного общества по развитию традиционной культуры. И к академику Шимерзаеву. Ну, его пустили. А он достал топор и говорит: если, мол, немедленно не отдадите приказ мумию вернуть, голову отрублю...

– Какую мумию? А... которая у вас там лежит. Алтайскую Принцессу. Элен, вы меня вконец доконали. В зад! Понимаете, au derriere... Merde, espese de con!<sup>6</sup> Черт, извини, сейчас... Элен, я не помню, как называется последняя обложка... Ну и что, что у нас там рисунок оргии... Пусть там и будет. Эй, крысы мокрые, ну помогите ей разобраться! Expliquez-lui, quelq'un...<sup>7</sup> Лев Николаевич, да, будьте добры. Да... да... Эраст, я тебя слушаю. И что?

– Ну, как обычно, милицию, ОМОН подтянули. Шимерзаев не дурак оказался, говорит: «А топор-то у вас острый?» Тот попробовал: ну, говорит, острый. Академик ему: нет, мол, ерунда, вот у нас в приемной сабля лежит из могильника Тимура-Тамерлана, она, дескать, острая; я принесу.

– Что, правда? Сабля лежала?

– Да у него там этот... коньяк подарочный в бутылке – в виде сабли. Ну, тот в приемную, а окна приемной на козырек выходят. Там еще дерево такое растет, пальма.

– Знаю. Пальма над входом в Президиум СО РАН – это фишка... И что?

---

<sup>6</sup> ...auderriere... Merde, espesedecon! – ...назад... Черт, (Фр.)

<sup>7</sup> Expliquez-lui, quelq'un... – Объясните же ей кто-нибудь... (Фр.)

- Выпрыгнул. И с этой пальмой вниз, мягко.
- Ни черта себе! Деревце жалко... Якута-то задержали?
- Не якута, алтаец он. Пока наши согласовали, как его штурмовать, – академик-то со страху наговорил, что у того не топор, а бомба, – он из окон со зла все повыкидывал. Из кабинета.
- Много?
- Да так... Телевизор плазменный, проекционную установку, три компьютера, микроволновку, цифровые видеокамеры две... А потом простые менты-пэпээсники из Советского райотдела зашли да повязали.
- Да, история. Ну, а тебя-то чего туда? Ты же у нас по особо важным. Важняк прокурорский.
- Ущерб. В особо крупных размерах. Академик в приемную Президента пожаловался, что, дескать, не ограждают... Вот и разбираюсь.
- Алтаец-то сидит?
- Ну. В СИЗО. Молчит, как рыба об лед. Лечат его – он сразу синий какой-то стал.
- Я занят, разговариваю... Элен, подите к черту! Я вас уволю... Мерседес, где мой кофе? Минутку, Эрост...
- Работаете в поте лица?
- Обложку для третьего издания Зеланда<sup>8</sup> не можем слепить... издание на иврите, а наш художник все время одну порнографию рисует. Лев Николаевич, ну дайте оргию фоном, а поверх болдом пустите текст. Fuck! Русский забыли?! Болдом, говорю, жирный, жир-ный: bold!!! Извини...
- Да ладно. Я просто звонил, поговорить. А то вы ведь все разъехались.
- Не говори. Олег, консультант наш всех и вся, знаешь, что утворил?
- Он же в Нью-Йорке?
- Да. В биржевой компании. Прилепил на стенку лик Иисуса и написал: «Личные консультации. Посредничество. Недорого. При жизни!» И телефон. Так у него клиентов – как у дурака махорки. Ставит на уши всю биржу.
- Да... здорово. А Тарзания, говорят, в Испании, за «Реал» играет.
- Он футболист известный...
- А Капитоныч? В Лондоне?
- ИДИТЕ ВСЕ НА... я занят! Лев Николаич, объясните им всем. Да, он там скорешился с каким-то местным лордом, председателем «Лондонского Клуба Уличных Хулиганов». Симоняк по полной программе. Помнишь, как мы в мэрии грибы собирали?
- Конечно?
- А они в универмаге «Хэрродс» червей на рыбалку копали... Скандал такой был, что «Таймс» на первой полосе их тиснула. Ты-то как, что нового в Волшебстве совершил?
- Соросовский грант получил.
- На что?! Ты же следователь Генпрокуратуры!
- Да черт его знает, на что... У меня типус тут был, по мелким аферам с акцизами. Председатель какого-то общества «Соединение России». Ну и фото свое оставил, открыточку предвыборную, а там внизу сокращение, места не хватило: «об-во, Со. Рос». Открытка у меня на столе валялась, валялась... а потом я ее взял и этим... изображением в уголке монитора приклеил.
- Неудобно же.

---

<sup>8</sup> Зеланд – автор серии книг «Трансерфинг реальности».

– А он один черт виснет... За месяц третий раз Windows сношу. И каждое утро говорю – любуйся, Сорос, на мой компьютер, любуйся на ваши дела с другом Биллом! Пока денег не дашь, не отстану.

– И что?

– Неделью назад письмо пришло. Я же все-таки кандидат юридических... Грант на десять штук «зеленых» и письмо.

– От самого Сороса?

– Ну, с подписью, по крайней мере. Пишет: не знаю, мол, чем вам помочь, уважаемый господин Пилатик, но ваши настойчивые обращения в наш Комитет... и так далее.

– А ты что, обращался?

– Да ни в жизнь.

– Вот это здорово! Симорон рулит... черт, а у меня тоже, может, какая открытка на столе лежит... сейчас, сейчас... Merde! Кто подсунил мне эту порнографию?! Эй, крысы растленные?

– Что там у тебя?

– Йоко Оно в гинекологическом кресле. Голая. Тьфу... из свежих коллажей, наверно. Ну, ладно. В общем, поздравляю, Эраст, поздравляю. Стихи-то пишешь?

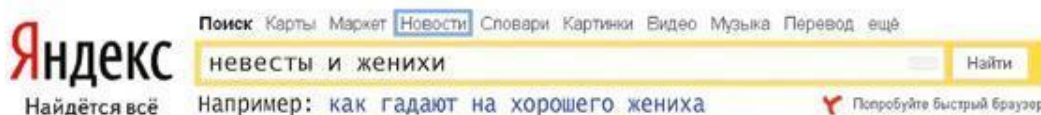
– Да нет... нету времени.

– Ну, ты смотри, если что. Мое издательство всегда к твоим услугам. Тиснем сборничек. Кто там? Лувр? Да черт с... ладно! Ладно, говорю, ça ira, apportez mon telephone...<sup>9</sup> Ну, Эраст, пока-пока! Позвоню!

– Счастливо, Дима.

*(окончание устойчивой связи: 05:38)*

## Новости



«...Подруга из российского фонда Образовательных программ имени Дж. Г. Флетчера рассказала мне, как долгими зимними вечерами гадают „на жениха“ студентки Сызранского технологического колледжа, который подруга посещала с миссией проверки расходования выделенных средств. В комнате сидят две девушки в теплых ярких халатах с китайского рынка и со SPA-маникюром стоимостью примерно 400 долларов. В обыкновенный пластиковый стаканчик они поочередно наливают русскую водку. Осторожно опускают на дно обручальное кольцо, которое дала им их третья, отсутствующая сегодня подруга. Затем осторожно, чтобы не проглотить кольцо, девушки выпивают водку мелкими глотками. А потом кашляют и долго шурятся. Когда моя подруга Джин спрашивает их, зачем они это делают, ей отвечают, что именно так можно рассмотреть изображение суженого... Джин говорит, что так гадают девушки буквально в каждой второй комнате их студенческого кампуса... Они считают себя невестами и ищут женихов».

<sup>9</sup> ...ça ira, apportezmontelephon... – ...подите, принесите мой телефон... (Фр.)

*Норма Свифт. «Гадание по-русски: как это бывает»  
Cronicle, Сан-Франциско, США*



## Тексты

### Академик и Людочка

Утро у Ивана Ипполитовича Шимерзаева, академика, член-корреспондента РАН, определенно не задалось. Вначале испортился каталитический нейтрализатор у его нежно-зеленой, гладкобокой и леворульной Toyota Carina ED. Хитрый этот прибор предназначен был для того, чтобы какой-нибудь среднестатистический антверпенский бюргер не портил воздух родных просторов, разъезжая по умытым голландским дорогам; но и до сих пор исправно разлагал диоксид углерода на полагающиеся безопасные ингредиенты – а после года в Сибири внезапно сошел с ума и стал переводить все это в обычный сероводород. Самое ужасное, что запах сероводорода необъяснимым образом просачивался в салон, и некогда приятный путь из коттеджного поселка Изумрудный под Бердском до родного института академик проделал в окружении невидимых тухлых яиц. Запах был так силен, что пару раз приходилось останавливать машину на обочине, выходить и жадно вдыхать воздух, который тут, на алтайской трассе М53, огибающей линзу Обского водохранилища, оставался свежим, мористым. Академик облокачивался на дверцу, дышал, умиленно разглядывая ровную гладь Обского моря и мохнатые бородавки островов: географической «высоты № 1204», называемой в народе «Хреновой» в силу наличия там цветущих плантаций дикого хрена, и острова Кораблик, тоже имевшего устойчивое народное имя – Тайвань. Над бородавками вяло подымливали трубы Бердского радиозавода, но над всем этим голубой чашкой висело небо, проносились чайки, и картина отчасти умиротворяла.

...Шимерзаев был из «старых». Точнее, из новых «старых», ибо те, прежние «старые», ушли из жизни уже два десятка лет назад. Узкое горло Судьбы, через которое проскочили немногие научные люди, Шимерзаев давно преодолел. Часть его коллег уехала в США, Канаду или Израиль, а теперь тосковала в форумах, и сильнее всего – когда удавалось вырваться на симпозиум в благословенные кущи новосибирского Академгородка. Другая часть смирилась со служаночной ролью науки и, допустив в коридоры своих крепостей-институтов и лабораторий коммерческие организации, тихо сдалась. В их коридорах уже торговали недвижимостью да окорочками, а сами академики и директора доживали свой век, будучи руководителями каких-нибудь научно-производственных фирм, где им отводилась почетная роль зицпредседателей: да, не голодаем, и икорка в достатке, но деньги не те, а главное – не деньги... черт!.. главное – все не то: трепета нет, привилегий, права первосвященства...

Шимерзаев же как-то очень вовремя получил грант Европейского Института этнологии человека, потом еще один. На эти деньги снарядил гигантскую экспедицию в духе тамерлановского войска: с кибитками, всадниками, обозом для награбленного – и почти сразу же оторыл на горно-алтайском плато Укок могильник неизвестной молодой женщины. Судя по почестям, оказанным этой даме с непропорционально огромными ступнями (деталь, на которую указала Шимерзаеву антрополог экспедиции – гламурная, но стойко переносившая походные лишения девушка), она пользовалась особым авторитетом при жизни, так как похоронили ее с шестнадцатью слугами, девятью верблюдами, домашней утварью из меди и с двумя лицами неизвестного происхождения.

International Centre  
for the Registration  
of psychoactive objects

Federal Security Service  
of Russian Federation

TOP SECRET  
PSY-FILES

Enter your password:  
\*\*\*\*\*

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"  
КАРТА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ  
доступ к информации ограничен

object name:  
Ivan I.  
Schimerzaev

ШИМЕРЗАЕВ  
[ИВАН]  
Акад., член-корр. РАН,  
сотрудник Европейского  
Института этнологии  
человека

location of  
the object:  
  
Постоянное  
проживание:  
Россия,  
Новосибирск,  
коттедж, пос.  
"Зелёный  
берег", 3-14.  
Энергетически  
стабилен.  
Проверка  
отменена.



energy PSY-status of the object:  


energy activity  
on a scale  
Shtrats-Gasselbah:  
**0-0026**  
simple translator

Шимерзаев начинал еще в те времена, когда в Институте археологии СО АН СССР царил академик Окладников – грозный и могучий А-Пэ, создавший целую научную школу. Сначала Шимерзаев входил в свиту мальчиков-аспирантов А-Пе, вдохновенно записывавших за ним цитаты и ловивших плечами свет генеральских звезд; вместе с ним откапывал кости мамонта, а точнее – трогонтериева слона, который и по сей день, трехметровый в холке, тычет в посетителей Института археологии своими обломанными бивнями из фойе. Потом собирал по бревнышку на территории музея Спасо-Зашиверскую церковь, увезенную из зоны затопления, – без единого гвоздя сделанное диво дивное сибирской архитектуры и жуть жуткая исторической правды, ибо все население древнего сибирского города Зашиверска, который стоял в бассейне реки Индигирка, умерло, включая последнего младенца и последнюю кошку, от черной оспы в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году, и трупы долгое время так и лежали в церкви...

Научная юность Шимерзаева прошла в лихорадочном служении исследовательским подвигам кумира, научная зрелость – в самодовольном снятии сливок с его наследия, а в научной старости обнаружился вдруг нехороший вакуум, ибо от глыбы Учителя, ушедшего в небытие и ставшего всего лишь барельефом на институтской стене, – от этой глыбы Шимерзаев отлепиться так и не смог. А она тянула туда, куда следовало, – в могилу. Поэтому мумия с плато Укок оставалась для Шимерзаева последним сокровищем, последней тайной, основой жизни, и он отчетливо понимал: заberi останки к себе эти горлопаны из алтайских музейных центров – и все! Не будет Шимерзаева, не будет его имени, ничего не будет, кроме пенсии, а ведь он знал лучшие времена. Поэтому за мумию академик дрался отчаянно, и даже последний пассаж с этим придурком-алтайцем – рослым пустоглазым детиной, обреченно держащим в руках топор, – его не особо испугал: он ощутил, что покусились на его кровное. А у любого, самого никудышного мужчины при защите кровного всегда в жилах кипит собственнический инстинкт, и тогда человек ничего не боится. Вот и Шимерзаев никого не боялся. Даже вроде как дал слабым, мокрым кулачком по щеке алтайца, загружаемого на его глазах в автозак: вот, мол, ужо тебе!

В институт академик приезжал всегда очень рано, когда первые уборщицы уже стучали в коридорах пластиковыми ведрами, горловыми звуками пели краны, а охрана на входе выключала нагретый за ночь видеоманитофон. Сегодня он прибыл еще раньше – тухлые яйца в машине, на которых он, кажется, буквально сидел, принудили его развить бешеную, несвойственную его стати скорость в девяносто километров. Сейчас Шимерзаев тяжело, как тот самый трогонтериев слон, поднимался по мраморной лестнице, на каждом пролете свирепо раздувая ноздри маленького плоского носа. Солнце било в окна, украшенные мозаикой, и подобострастно рассыпало под ноги замдиректора института, большого человека в мировой науке, разноцветные лоскуты.

Вот академик добрался до третьего, последнего этажа своей вотчины и сразу обратил внимание на то, что мраморный пол подозрительно блестит. Но он не придал этому значения, так как был близорук (из-за чего носил очки, без оправы): мало ли что почудилось.

И повернул за угол с лестничной площадки.

То, что он увидел, не поддавалось анализу его холодного, логического ума ученого.

Прямо на него двигалась голая – ну, не совсем голая, просто в голубом ветхом купальнике – девчонка. Двигалась бесшумно, потому что ее босые ступни – кстати, тоже почему-то очень большие, костлявые, напоминавшие финские короткие лыжи, – скользили по покрову воды на бетоне легко, как по льду! В одной руке девица держала швабру с половой тряпкой, болтающейся серой хоругвью, в другой – древний керосиновый фонарь модели «Летучая мышь», но не зажженный. На лице у девушки красовались очки «кошачий глаз» в лжечерепаховой оправе, а сама она тонким голоском распевала:

Дальновидная я, не видать ни фуя!  
 Вся открытая я, нет на мне ни фуя!  
 Ты приди, мой родной,  
 Я к тебе всей душой!  
 Флагом я помашу,  
 Путь тебе освещу...

Академик остолбенел и издал какой-то странный звук: то ли вскрик раненой птицы, то ли рычание амурского тигра. Девица замолкла, ойкнула и остановилась; но мотнувшись по инерции тряпка облепила лицо академика, ударив в нос все тем же запахом тухлых яиц и еще – водопроводной хлорки.

Шимерзаев хрюкнул, закрутился на месте, сдирая с лица эту половую мерзость, – содрал вместе с очками, а уже без них ничего не видя, кроме мерцания переливов света, завопил истошно. И на одной надрывной ноте. Без слов.

– Aaaaaaaaaaaaaaaaaa...

Крик этот скатился водопадом вниз, по мраморным ступеням, и достиг вестибюля. Спустя полминуты примчались два охранника – бритых, лет средних, мало разбиравшихся в археологии. А тем более в том, что в храме науки невозможно не то что появляться босым-голым, так еще и держать в руке личный артефакт Шимерзаева, покоившийся в приемной, – раритетный керосиновый фонарь! Шимерзаев, стоя коленями на мокром полу, уже искал свои очки и вынул; охранники нашли очки, заботливо подняли его, спросили:

– Иван Ипполитыч, что с вами? Где-кого?

– Ва... во... – Шимерзаев нетвердой рукой показал в конец коридора.

Один из охранников посмотрел туда, обнаружил худую фигуру, моющую пол в белом замызганном халате, и участливо напомнил:

– Иван Ипполитыч... Это же Верблюдоchка. Она у нас пол моет, не помните?

Иначе говоря, Шимерзаева подозревали еще и в старческом маразме. Но опровергнуть он этого не мог, только бессвязно и гневно тыкал в конец коридора пальцем, указывая на босую уборщицу:

– Ва... су... про... ан-на...

Ему просто хотелось сказать очень многое, но сознание не могло никак расшириться.

– Понял, – деловито резюмировал один из охранников. – Вася, «скорую»! Иван Ипполитыч, не беспокойтесь, разберемся.

Девушка продолжала сосредоточенно полосовать пол шваброй. Она давно уже раскаялась в том, что проспала и начала ритуал на полчаса позже, да и в том, что не рассчитала – вылила на пол слишком много воды.

Кто-то называл ее Людмилой Васильевной Шипняговой, кто-то – Людочкой, но по институту, и не только по нему, ходил набор устойчивых прозвищ: Людочка-Верблюdochка, Верблюдища, Верблюдица, Страхолюдочка. Трудно сказать, почему: вроде, горба не было, спина всегда стояла прямо, туловище худое, причем симметричное – острые лопатки торчали ровно настолько же вперед, насколько небольшая грудь. Ну оттопыренная нижняя губа – и что? У Марии-Антуанетты похуже было, а какие мужчины ее любили – тот же Бэкингэм! Ну лицо длинное... а вы на Линду Эвангелисту посмотрите: зубы выпирающие и длинные, как у кролика. Ну да, а как вам Вупи Голдберг?

Одним словом, внешность Людочки была явно далека от идеала, к тому же пугали глаза: они у нее имели серо-голубой оттенок, но настолько бледный, прозрачный, что из глазниц на человека смотрели только две точки зрачка, напоминая детский рисунок-ужастик.

Однако проблема Людочки была не в этом. Ей просто не везло. Но со страшной силой. Причем все неприятности, происходившие с этой нескладной, но доброй и робкой девушкой, имели особенный оттенок: они были апокалиптичны, катастрофичны – однако сама она выходила из них почти без видимых потерь. Как заколдованная.

Первое катание на велосипеде прошло успешно – голенастая девчонка почти освоила «Орленок», – но не пригодилось, так как кататься стало после этого просто не на чем. На полном ходу Людочка врезалась в соседа по дому, дачника Харитона Ивановича, после чего велосипед сдали в металлолом, Харитона Ивановича – в больницу, и родители Людочки еще три месяца таскали туда среднеазиатские груши; а у самой Людочки на память об этом остался треугольный шрам от тяпки Харитона Ивановича, который она все оставшиеся годы закрывала длинной темно-каштановой челкой.

На институтской практике она едва не сгорела заживо в печи для обжига кирпича: у трактора, подвозящего сырые кирпичины, сломалось колесо, механик ушел за бутылкой – ремон-

тировать, а Людочка, ожидавшая свежей партии в темной камере обжига, так ее не дождалась да и уснула прямо на деревянном поддоне. Тем временем трудяги, изрядно отремонтировавшие организмы самогоном, вспомнили про работу и споро заложили проем камеры кирпичом – обжигайся, родненький, дадим стране кирпичика! Сама Людочка очнулась от мелкой пыли, сыпавшейся на лицо; очнулась и поняла, что сверху в камеру уже засыпают уголь, чтобы через двадцать минут электроды в углу дали искру и подожгли его. Спас ее рабочий печи, который на втором этаже контролировал заполнение камер, – тридцатидвухлетний баптист, он вдруг услышал пение ангелов и остановился: знамение? Как ему казалось сначала, сверху, но потом понял – явно снизу, голос вещий молил его о спасении. Рабочий остановил процесс за четыре минуты до включения рубильника, взял кувалду, спустился вниз... разбил свежую кладку и извлек оттуда совершенно черного от угля, почти голого от духоты ангела, отчаянно отбивавшегося и укусившего его за палец: Людочка свято верила, что, если она разденется хотя бы до белья, ее обязательно изнасилуют.

После этого Людочка обрела стойкий ночной кошмар о замуровании заживо, а баптист через полгода повесился в алкогольном бреду. Завод же расформировали как неприбыльный и сами сломали на бросовый кирпич.

...Самолеты, в которых она иногда летала в юности, садились на ВПП с поврежденным шасси, у соседей по креслам ломались вставные челюсти и отказывали слуховые аппараты; поезда, в которые она покупала последний билет, неизменно сходили с рельс – правда, только локомотивы, которые успевали затормозить. Однажды на перегоне под Красноярском два вагона, в одном из которых Людочка оказалась заблокированной в туалете заевшим замком, самопроизвольно отцепились да покатались назад – под уклон; они бы рухнули в реку, если бы их не остановила сошедшая с гор лавина. Даже автобусы, скромные трудяги серых будней, безропотные «луноходы» ЛиАЗ-677-Б, рожденные на свет в один год с советским механическим покорителем Луны, и те не выдерживали этой кармы. Если в салон заходила Людочка, то на следующей остановке либо заклинивало двери, либо в них появлялся билетный контроль, творя скорый суд над всеми безбилетниками.

Столовые, в которых иногда питалась девушка, отделялись банальнее всего – их просто вскоре на месяц-другой закрывала СЭС.

Поэтому Людмила не летала самолетами, не ездила поездами, избегала дальних маршрутов и электричек, не спускалась под землю – в метро, питалась только дома, в комнатке общаги, а путь от нее до работы преодолевала исключительно пешком, лютой зимой – краткими перебежками от подъезда к подъезду.

И еще была у нее удивительная особенность, потрясающая всех, кто впервые с этим сталкивался. На больших, матовой белизны и стальной крепости ступнях Людочки буквально горела обувь. Испанские, подаренные сокурсниками, туфли; добротные сапоги Тырнаузской швейной фабрики, купленные на первую стипендию; выделенные как матпомощь левнестовские ботиночки; самостоятельно приобретенные сандалии и сабо – все это разваливалось, теряло каблучки, утрачивало платформу, разлезалось на третий-пятый день носки. Однокурсники даже как-то затащили девушку на выставку «ЭкспоСибОбувь», подведя к стенду хваленной немецкой Salamander, и добродушный немец, вскрикивая: «Oh! Was ist loss! Das ist fantastish Gross! Ja, schone, natuerlich!» – долго примерял на нее убойные горные ботинки AlhtyBigTrauder 6669 XXL, а потом попросил «немного пройтись». Глаза немца вылезли на лоб, когда на шестнадцатом шаге подошва одного ботинка осталась на ковре, а второй раскрылся, как трансформер, со звоном выпустив скрученный узлом супинатор. И в этот момент по необъяснимым причинам сзади обрушился целый стенд с обувью; стендист дал друзьям Людочки по пятьдесят долларов и попросил больше не приводить сюда «эту schene фроляйн».

Поэтому Людочка чаще всего ходила босиком – дома, в магазин за хлебом, на работу летом, – позволяя себе иногда надевать что-то типа китайских кед, которые рвались лоскут-

ками, но пока держались. Благо работа не требовала соблюдения никакого дресс-кода. Швабра, тряпка, ведро и немного хлорки.

International Centre  
for the Registration  
of psychoactive objects

Federal Security Service  
of Russian Federation

TOP SECRET  
PSY-FILES

Enter your password:  
\*\*\*\*\*

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"  
КАРТА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ  
доступ к информации ограничен

object name:  
Loudmila V.  
Shipniagova  
ШИПНЯГОВА  
[ЛЮДИЛА]  
Хозяйственный работник  
Института археологии  
СО РАН

location of  
the object:  
  
Постоянное  
проживание:  
Россия,  
Новосибирск  
(локация не  
установлена).  
Объект  
признан  
спящим.  
Наблюдение  
отменено.



energy PSY-status of the object:  


energy activity  
on a scale  
Shtrats-Gasselbah:  
**0-9111**  
potential aggregator  
high-level PSY-action

Закончив обучение на факультете дошкольного воспитания Новосибирского пединститута, Людочка какое-то время, недолго, поработала в детсаду, потом заочно окончила Университет искусствоведения, к тому времени счастливо возникший из местного профтехучилища работников культуры, и нанялась на полставки ухаживать за останками так называемой принцессы Укок, размещенными во временном пуленепробиваемом саркофаге, в комнате за стальной дверью с двумя кодовыми замками, на третьем этаже Института археологии. Обязанностью Людочки было следить за температурными и влагоопределяющими датчиками в комнате,



протирает салфеткой сам саркофаг. На остальные полставки она мыла полы на всем третьем этаже института.

Простая кемеровская девчонка, понимавшая, что уголь – не грязь (которая не существует, как правило, вне людей, а червится лишь глубоко внутри), что он въедается в тело на всю жизнь и с этим можно жить; видевшая однажды, как в бане отец обнимает голую мать своими пальцами с уходящими под ногти угольными морщинками, такими глубокими, что их черноту не смыть и не отпарить ничем; знавшая эту нехитрую и мудрую изнанку жизни, она к своим двадцати семи годам не завела ни детей, ни любовника, ни мужа. Первый сексуальный опыт случился на выпускном, в каком-то дворе, после полстакана плохо разведенного спирта. Она вдруг с изумлением увидела себя уже без джинсов, и даже трусиков, с неприлично белыми ногами-макаронинами, раскинутыми как-то совершенно неестественно. Через нее бы прошли все, ибо Людочка отключилась почти сразу, даже оргазм испытал в алкогольном полубреду. Но спасло ее то, что первый партнер Ленька Ковригин оказался все-таки человеком и, поднявшись с нее, даже толком не застегнув штаны, тут же разлохматил о скамью пустую бутылку, заорав истоно: «Сукибляпопишу любого!» – а потом с «розочкой» в руках сдерживал напор пьяных корешей как раз до приезда милиции, которая и упекла Леньку на полтора года в колонию за пьяный дебош, злостное хулиганство и совокупность других грехов.

С Ленькой они встречались после его выхода из колонии. Раз пять. Потом Людочка уехала, и стало ей не до того. А потом...

Потом было суетливое существование, наполненное борьбой со стихией быта, в которой секс оказывался совсем не по формату, как задушевное «Полюшко» в эфире молодежной радиостанции. От безысходности была даже мысль податься в проститутки, чтобы получать гормоны регулярно, да причем с компенсацией. Но, во-первых, она не знала, куда позвонить, а во-вторых, скоро выяснилось, что презерватив нынче обязателен, и это меняло всю концепцию.

Так что ритуал, который она испробовала тем июньским утром, оказался разработан интуитивно и самостоятельно. Наслушавшись «умных» соседок по общежитию, оштампившихся в паспорте уже на второй-третий раз, Людочка подошла к делу с чистой, незамутненной душой, слегка смущенной разве что ранними русскими переводами Карнеги. Ей говорят, что надо «броситься в омут любви, закрыв глаза»? Хорошо, подойдут мамины темные очки в пластиковой оправе. Ей твердят, что скользить надо по жизни легко, как по воде, – кажется, даже спорт есть такой, трансерфинг<sup>10</sup> называется – отлично! Она мыла полы босой и знала, как голая подошва восхитительно скользит по гладкому мокрому мрамору – как зимой на горке. И все это она, не постыдясь чудачества, как-то попробовала.

Половая гармония? Да уж точно, половая... Надо искать свет в человеке? Фонарь этот, такой миленький, из застекленного шкафа приемной, которую мыла... «Ищу человека», черт возьми! Недостаток общей сексуальности? Обычной ее одеждой были какие-то невообразимые балахоны почти камуфляжного цвета, покупаемые в секонд-хэнде, но недостаток сексуальности она восполнила дерзким, хоть и морально устаревшим купальником. А еще воображение подсказало: у любого рыцаря, отправляющегося в крестовый поход – за справедливостью ли, славой, любовью или Чашей Грааля, – должен быть свой флаг. А ее флаг – швабра с тряпкой...

Стихи она придумала сама.

И вот из всего этого, такого прекрасного и тщательно подготовленного Волшебства, в это утро вышел такой досадный оксюморон.

## Новости

---

<sup>10</sup> Трансерфинг – технология управления реальностью, описанная в книгах Вадима Зеланда



«...Технологии, которые, как утверждает автор нашумевшего бестселлера „Психология войны“ Эрик Вайн, использовались раньше только в закрытых подготовительных центрах ЦРУ, МОССАД и русского КГБ, уверенно выходят на простор корпоративных тренингов... Топ-менеджеры солидных компаний и серьезные бизнес-вумен, скинув туфли, устраивают забеги по пылающим угольям, прыгают на гибкой веревке с вышек, разрисовывают друг друга акварелью, чтобы потом смыть это все, парясь нагишом в русской бане, – вместе, как во времена царицы Екатерины. Такое ощущение, что русская менеджеральная элита готовится к войне с Западом... Стивен Ресли, один из ведущих специалистов Гарварда в области бизнес-консультирования, говорит, что русские сделали известные ныне тренинговые технологии простыми и эффективными, как и их автомат Калашникова. Особое внимание вызывает методика Танцующих Волшебников, изобретенная...»

*Наколас Даррил. «Хотят ли русские войны?»*

*The Daily Telegraph, Лондон, Великобритания*



## **Лабораторная работа-1**

### **Семинар «Сезон Сумасшедших свадеб». Игровые технологии. Отчет**

– ...Андреюрич! Опять они бутылки оставли-пвожрали! Нускокможна?! Запретьте им!!!

Медный поднял голову. Перед ним потрясали бутылкой темного стекла, явно из-под пива, но непривычной емкости – ноль-шестьсот семьдесят пять, с золотой этикеткой и распротертым на ней мохнатым иероглифом, похожим на паука. Медный перевел взгляд на того, кто гневно потрясал бутылкой.

– Тятя-Тятя, положи ко мне в стол, – миролюбиво заметил Медный. – Это реквизит. Японский иероглиф «Смерть».

Тятя-Тятя, ворча и чуть заметно хромая, удалилась, а Медный снова опустил глаза в бумаги. Сидел он в крохотном помещении, соединенном с большим залом парой окошек, прорубленных в стене наподобие бойниц. В прежние времена тут был просмотровой центр для дирекции Новосибирского государственного телерадиокомитета, и именно тут, судорожно потирая мокрые ладоши и некстати похохатывая, смотрели и Лукино Висконти, и «Заводной Апельсин» Берджеса. Но это было давно, очень давно... С тех пор западное кинооткрытие стало достоянием трудового народа с рабочих окраин; мощности городской телестудии оказались благополучно растащены массой частных телекомпаний, половина которых благополучно обанкротилась; а в здании технического отделения разместилось полсотни организаций, одной из которых и был учебно-тренинговый центр «Лаборатория АНдреналин» под руководством Че-Пе, сиречь частного предпринимателя, Шункова Андрея Юрьевича.

Тятя-Тятя гремела в большом зале – где недавно прошел семинар – партами, ворочая их легко, как шахматные фигуры. Тятя-Тятя оказалась идеальной сотрудницей «Лаборатории». Не понимая ни черта в психологии, не одобряя никаких экспериментов, она, тем не менее, стойко выносила участие в организации этих мероприятий в роли наблюдателя, фиксатора, хронометриста, одновременно являясь также поваром и бессменной уборщицей. По крайней мере, на призыв убраться после семинара откликнулись восемь человек, а пришла только Тятя-Тятя. Сейчас она, в закатанных до колен джинсах и мужской клетчатой рубаше, грохотала партами и стальными коробками стульев, заноса их из коридора в освобожденную когда-то для семинара аудиторию. Джинсы плотно обтягивали ее широкие бедра и едва не лопались на тугих, как желуди, икрах голых ног. Вообще, сама Тятя-Тятя с ее фигурой, напоминающей три поставленных друг на друга шара для снеговика, с круглым веснушчатый лицом и пучком на затылке, да еще в таких же круглых, как ее всегда румяное лицо, очках с небольшим числом диоптрий, смотрелась комично. Не зная ее решительный нрав, над ней можно было бы и посмеяться.

Тятя-Тятя, на самом деле Лена, получила свое прозвище давно – отнюдь не в стенах «Лаборатории». Три года назад она, девушка из Чановского района Новосибирской области, скромная райцентровская простушка, приехала с большими амбициями в Москву – поступать в знаменитую «Щепку». Ни красотой, ни статью абитуриентка не отличалась, но в ее крепком, круглом, ядреном и выпирающем каждой своей формой теле ощущалась таинственная сила пушечного ядра – с чудовищной пробивной способностью. Для того чтобы сразить московских экзаменаторов наповал, в первый же день приехавшая в сандалиях Ленка купила у барыги на вокзале туфли с пятнадцатисантиметровым каблуком-шпилькой и умопомрачительное красное платье с рюшечками по поясу. В таком виде, грохоча пластиковыми каблуками, Ленка явилась пред светлы очи экзаменационной комиссии.

Председательствующий, пожилой мужчина с седой львиной гривой, благосклонно осмотрел красное чудо с высокой, как у райцентровской завстоловой, прической и в белых гольфах, склонил голову и молвил:

– Нуте-с, барышня... Что будете читать?

– Некрасова. «Мертвеца»! – отрубил решительная Ленка.

Председатель комиссии вздохнул. Начало уже не предвещало спокойного прослушивания.

– Ну-с... читайте!

Ленка поправила последнюю складку платья, набрала полную грудь воздуха и для верности, для пущего куража притопнула ногой:

– Некрасов. Поэма «Мертвец»!

Она еще раз топнула, вонзая в пол жало каблука. Паркетные полы аудитории, называемой почему-то «Алсуфьевской», хотя знаменитый трагик никогда в «Щепке» не преподавал, дрогнули и тонко запели. На столе у комиссии закачались разложенные на листах авторучки.

– Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: «Тятя-тятя, наши сети...»

И тут Ленка еще раз топнула. Содрогание пола докатилось до стола приемной комиссии, подобно крохотному цунами: крышечка графина хрустально ойкнула и выпала на стол. Председательствующий укоризненно покачал головой, заметил ласково:

– Девушка... потише, пожалуйста! Не в поле, однако-с...

Это немного сбilo Ленку, и она решила начать все сначала. Снова сделала вдох, повторила:

– Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!»

В этом месте девушка страшно выпучила большие зеленые глаза и, не в силах удержаться от искушения, снова вонзила в пол каблук. Удар этот оказался роковым: под Ленкой что-то треснуло, хрустнуло сахарно, проломилось... Она моментально стала на пять сантиметров ниже, едва удержавшись на ногах. Стол комиссии зашатался, председатель нахмурился.

Он ничего не заметил, но девушка растерялась. Правая ее нога оказалась в плену проломившейся паркетины, и острая боль пронзила ступню, не давая вдохнуть: это под косточку в щиколотку впилась острая, как скальпель, щепка. Чувствуя, как там, внизу, ступню заливают чем-то теплым, и стоя криво, Ленка пробормотала умирающе:

– Тятя-тя... наши сети...

Память отказала. Кроме этого четверостишия, все остальное она напрочь забыла – от волнения и боли. Но все-таки шевелила белеющими губами.

– Ну, что же вы? – недовольно обронил председатель, которому с высокой кафедры не было видно ее мучений. – Продолжайте.

Но Ленка смогла только оглушительно, на истерике, взвизгнуть:

– Тятя-тятя! Тятя... Тятя!!!

Усилиями мышц она выдрала ногу из проклятого пролома. Это произвело настоящее землетрясение: графин едва не упал, пойманный железной рукой председателя, пол заходил ходуном, а Ленка, поняв, что ей ничего не светит, заковыляла к двери. Председатель изумленно привстал, перегнулся через стол и только смог вымолвить:

– Э-э... девушка... а что у вас на ноге?

Белые гольфы на правой ноге покраснели, будто облитые свекольным соком, а из ремешков торчала желто-красная щепка.

Ленка посмотрела вниз:

– А? Это так... ничего...

Она вышла в коридор. В ответ на многочисленные взгляды, которыми тут встречали каждого вышедшего, смогла только честно выдохнуть:

– ПРОВАЛИЛАСЬ!

И тут же, не сходя с места, рухнула в обморок от болевого шока.

Оказалось, щепка порвала ей сухожилие. Неделью девушка провалялась в больнице, потратив на звонки и лекарства, а также на новые туфли – каблук тоже не выдержал столкновения с высоким искусством, отвалился чуть позже! – все деньги, а потом наведалься на съемную квартирку, тихонько собрала вещи и отправилась на вокзал. Мечта стать актрисой оказалась похоронена под гнилым полом Алсуфьевской аудитории, которую, впрочем, вскоре после этого закрыли на ремонт. Пол перестелили, покрыв его свежим голубым ковролином.

Ленка никогда не врала – это было ее привычкой, ибо отец в Чанах за вранье лупил смертным боем. Поэтому, пару раз рассказав в компаниях о том, как она в прямом и переносном смысле провалилась в Щепкинском училище, девушка заработала свое прозвище Тятя-Тятя. После этого она поступила в местный техникум работников пищевой промышленности, выучилась на повара и попала в итоге в кафешку для сотрудников в том самом бывшем телевизионном цехе, где снимала офис «Лаборатория». С ребятами в меру разбитная и смешливая Тятя-Тятя познакомилась быстро и очень скоро стала добрым ангелом-хранителем семинаров «Лаборатории».

Все было хорошо, но говорила она своеобразно – гораздо хуже, чем готовила, – съедая часть букв совершенно бесследно, словно навеки исключив их из процесса словообразования.

– Андреюрич, а тутплток астави. Чейплток, низнате?

Медный снова отвлекся. Перед столиком снова стояла Тятя-Тятя. В руке она держала обыкновенный белый платочек, по размерам – девичий. По углам этого платочка заботливо были вышиты цифры: 6-1-31-36. Небрежным стежком, красной ниткой. Еще Тятя-Тятя без всякой брезгливости держала в руках чьи-то синие носки.

– А... носки – Димана, а платок... Платок – не знаю. Положи на батарею, – посоветовал Медный и снова уткнулся в отчет.



Поразмышлять ему было о чем. Семинар «Лаборатории» под названием «Сезон Сумасшедших Свадеб», приуроченный к середине августа, когда, как известно, загсы задыхаются от наплыва желающих закрепить сложившиеся этим летом отношения, стал для местной абитуры шоком. Многие, читая объявления в своих пустых или еще шумящих экзаменационной суетой вузах, поразились: неужели тут возможно такое? Ибо объявление всерьез предлагало «пожениться на одну ночь», но сделать это «по-новому». На афишах была изображена невеста, прыгнувшая в небо и совершившая кульбит, при этом ее пышное платье свалилось на голову, обнажив трогательно розовые пятки и целомудренные трусики. В некоторых вузах объявления снимали, гневно крича про «разврат». Впрочем, и многие пришедшие думали примерно так же. Но им пришлось жестоко разочароваться. Двухдневный семинар не предусматривал не то чтобы времени на «переспать», а вообще – спать не предполагалось. Ночью проходила

медитация, под утро участников будили на кросс по близлежащему Парку Победы, а днем они выполняли разнообразные творческие задания и ритуалы... Семинар удался, как и все прочие. В последнем сборе, на природе вокруг костра, они ощущали такое небывалое единение, словно за эти два дня действительно стали братьями и сестрами.

Но после семинаров обычно накатывала эйфория, в голове носились воспоминания – и на сухой документальный стиль отчета сил не оставалось. Так было и сейчас. Поэтому писчая бумага или Интернет-сайт, где «Лаборатория» с грехом пополам обновляла свою информацию, становились для Медного неразрешимой проблемой. Он великолепно организовывал, проводил, манипулировал – но вот слова не поддавались ему, не хотели складываться в предложения. Никак.

А между тем именно по этому параметру конкуренты обходили «Лабораторию» начисто. По всему городу работали фирмы «тренинговой подготовки» и «психологической разгрузки», где сладкоголосые сирены в коротких юбках, не смыслящие в психологии ничего, а лишь изучившие пару-тройку тестов, зазывали народ на семинары с широкой географией: от загородной Морозовки до острова Тенерифе. Программа у всех семинаров при этом была однообразной: лекция – игра – кофе-брейк – лекция – игра – и «свободное время», что для русского человека, даже посетителя семинаров, означало обычно банальную пьянку. Но все эти конторы имели прекрасно подготовленные листовки, резюме и альбомы, и поэтому не страдали от недостатка клиентов.

А сунуться на этот рынок просто так не получалось: к началу двадцать первого века столица Сибири оказалась поделена на сектора влияния различными психологическими школами не хуже, чем Чикаго двадцатых – на зоны влияния гангстерских банд. Крепостями оказались вузы, где всегда можно было найти более-менее состоятельный и не знающий, куда себя деть, молодняк. А оборонялись эти крепости с жестокостью, не уступающей суровым нравам криминальных кланов.

Педагогический институт, не так давно по общей российской моде «перекрасившийся» в пафосный «университет», слыл бастионом синтоновцев или козловцев – последователей теории Николая Козлова. Обычно для захвата того или иного вуза требовалось привлечь на свою сторону кого-то из заведующих кафедрами психологии или социологии, а лучше – обоих сразу. Козловцы сначала захватили командные высоты в лице проректора по воспитательной работе, доброго грека Василяки, курировавшего кафедру психологии, которая оставалась полгода без заведующего. Но потом они испытали сокрушительное поражение: Василяки умер от сердечного приступа, а на пост заведующей выбрали молодую англоязычную преподавательницу, приходившую в институт в джинсах с художественно вырезанными «дырками» и во вьетнамках. Та оказалась сторонницей «фиолетовых»<sup>11</sup> и повела жестокую войну против козловцев, переманив к себе изрядное их количество. Но потом козловцы путем хитрой диверсии, подослав к преподше – как выяснилось, не совсем молодой, незамужней и голодной до секса, – доброго молодца с пятого курса, и он охмурил завшу в два счета, заставив ее успокоиться, надеть юбку до колен и забыть о своих увлечениях вообще. Высота была отбита, козловцы получили в свое распоряжение целый новый спорткомплекс для проведения семинаров и нового адепта в лице другого проректора, некоего Данилко, бывшего студента истфака.

НГУ, или госуниверситет в Академгородке, тоже некоторое время оставался оплотом козловцев. Но вскоре путем упорных позиционных боев их оттуда вытеснили разрозненные части новосибирских симоронавтов. Однако в процессе захвата сообщество Добрых Волшебников разругалось вдрызг, и НГУ остался за «танцующими», которые откровенно враждовали с «медитирующими». Причем последние в качестве мести добились закрытия для «танцую-

---

<sup>11</sup> «Фиолетовые» – часть последователей психологической школы СИНТОН Н. И. Козлова, дополнительно основывающихся на теории личности А. Адлера, модели теории личности в индивидуальной психологии.

щих» удобного спортзала, и тем пришлось танцевать свои зиккры<sup>12</sup> в актовом, стирая голые пятки о холодный бетон.

Технические университеты всегда были более склонны к простой дидактике – там царил «веревочный курс». Некоторые группки работали по методике Школы естественно-рационального поведения, в жестоких ролевых играх. Мединститут, избежав кровавой распри, честно поделил сферы влияния: в главном корпусе в центре города окопались золотовцы-дыхальщики<sup>13</sup>, а в том, что поближе в городской больнице, кучковалась психодрама<sup>14</sup>. Гештальты, энэлписты, ролевики, зеландовцы<sup>15</sup> и «ярославцы» копили силы для решительного наступления и пока пребывали в меньшинстве. А тантристы<sup>16</sup> вообще ушли их вузов, заняв оставленные противником дома культуры, в частности, одни из них, самый крупный – ДК «Прогресс». Тантристы действовали набегами, драли за семинары бешеные деньги, используя в качестве самого притягательного брэнда магическое слово «секс»; сознательно не объясняли, что же будут делать люди, раздевшись; каждый додумывал в меру своего воображения – а оно, как водится в стране, семьдесят лет секса не знавшей, испорченно у каждого второго. И поэтому к тантристам народ валил валом. Но и им устраивали диверсии: самым памятным был одновременный заброс в зал ДК десятка газовых баллончиков с «Черемухой». Совершенно голые в большинстве своем люди (некоторые были все-таки в носках!) неожиданно хлынули из дверей ДК на людный Красный проспект, в середине марта, и это зрелище поразило горожан, долго потом обсасывалось различными газетами и послужило предлогом для решительного изгнания Тантры из города хотя бы на зимний сезон...

А уж об объявлениях говорить не приходилось. Ни одна конкурирующая фирма не могла развесить в чужом вузе свои афиши: они висели не более пяти минут. А специальные агенты «диверсионных групп» еще и ходили по другим вузам, уничтожая чужие листовки. К тем же, кто нагло вторгся на чужую территорию, применялись самые крутые меры. Зимой напали на двух девчонок, которые расклеивали афиши «АНдреналина» по вузам: одной сломали нос, а второй прожгли кислотой дубленку, присовокупив, что в следующий раз это произойдет с лицом.

Поэтому единственным способом привлечь народ было слово виртуальное – в Интернете – и слово печатное, передаваемое из рук в руки. Но для этого им необходимо было владеть так же мастерски, как и тренинговыми технологиями...

Медный посмотрел на конец перьевой ручки с сомнением... вывел на листке заголовок: «Мониторинг групповой динамики». Черт его знает, как это описывать. Вот, например, игрушка «Водолазы». Двое человек соединяются веревками, причем правая рука одного привязана к левой ноге второго, и наоборот. Длина веревки – метра три, и пропущена она сквозь ручку стоящей посередине двадцатикилограммовой гири, которую притащил Данила, один из студентов Медного. Участникам завязывают глаза, и после этого они должны за кратчайшее время собрать предметы, разбросанные перед ними на расстоянии вытянутой руки: каждому по десять штук. Понятное дело, что охотиться за предметами приходится вслепую. Если один

<sup>12</sup> Зиккры – духовные энергетические танцы.

<sup>13</sup> Золотовцы-дыхальщики – по имени Бориса Золотова, создавшего в 80-х годах XX века психологическую школу, основанную на применении особых дыхательных упражнений с целью изменения сознания субъекта.

<sup>14</sup> Психодрама – основана на созданной Якобом Леви Морено психодраматической теории, в основе которой лежит ролевая теория, дающая представление об антропологии творческого человека и роли креативных процессов в его развитии.

<sup>15</sup> Гештальт психология (от нем. Gestalt – образ, форма) – направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX века и выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур (дивштальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Энэлписты – последователи психологической системы НЛП (нейролингвистическое программирование). Ролевики – люди, играющие в некомпьютерные ролевые игры, обычно полевые, кабинетные или настольные. Зеландовцы – последователи системы Трансерфинг реальности Вадима Зеланда.

<sup>16</sup> Тантристы – последователи наиболее древней, дошедшей до нас системы самосовершенствования, где энергия сексуального желания не подавляется, а сознательно используется для оздоровления, долголетия и духовного развития.

будет собирать быстро и хорошо, он помешает выполнить это упражнение другому, оттянув на себя веревку. Таким образом, пара тестирует себя на прочность взаимоотношений и на то, насколько один может чувствовать другого. За всю историю этой игрушки, имевшей стандартное название «Водолазы» – ибо в данном случае играющие напоминали водолазов на дне, привязанных шлангами к одному колоколу, – гармоничных пар Медный наблюдал не более десятка. Желание добиться успеха за счет ближнего неистребимо сидело в каждом новичке, пришедшем на семинар.

Вот сейчас, вспоминал он, стоит на одном конце Лис, на другом – Диман. Лис – крупнотелая высокая девушка с волнистыми светлыми волосами и чувственным, породистым лицом, как у актрисы Рене Руссо. Диман – черненький низенький крепыш... Звучит свисток. Лис собирает погремушки, использованные батарейки, шахматные фигурки. Ее длинные руки с растопыренными пальцами, на которых красуются огромные ногти алого цвета, работают, как садовая гребенка. Лис натянула веревки сразу, быстро упав животом на ковровое покрытие и этим обеспечив себе стабильное положение. Диман пытит, ворочается, но сдвинуть с места Лис он уже не в силах. Веревка, обхватывающая голую щиколотку девушки, натягивается и впивается в кожу, царапая ее до крови. Но побелевшими от усилия пальцами босых ног Лис, словно крючьями, вцепилась в ковровый. В подбадривающих криках она вряд ли слышит чертыханья Димана, но... в какой-то момент понимает, что у ее соперника шансов нет. И, так и не подобрав розового пупса и пинг-понговый шарик, Лис встает, крючья ослабляют хватку, и острые розовые пятки направляются к черной гире – она двигается назад. Есть! Диман успел собрать все предметы.

Когда на импровизированном «награждении» Димана объявляют чемпионом и вручают шоколадную «золотую медаль», Медный видит, как в больших серых глазах Лис под длинными козырьками пышных ресниц застыли слезы. Ей все-таки обидно. Но девушка улыбается. На самом деле победила она – одной этой улыбкой.

Первое время невероятно сложно было и с помощниками. Две девочки из педагогического вроде бы увлеклись процессом, но однажды во время проведения «Водолаза» Медный заметил, что они подыгрывают участникам, подпихивая предметы к жадно хватающим пустоту рукам. Тогда он рывкнул и поставил в заключительную пару их самих: одна не пожелала расстаться с любимыми «шпильками», другая хныкала, беспокоясь о маникюре.

– Это же игра! – возмущенно заявила старшая. – А вы тут по-серьезному... Че к чему?!

– Жизнь – тоже игра, – буркнул Медный. – Но жестокая. А мы учим жизни.

В итоге обе ушли обиженные: одна поломала дорожный накладной ноготь, а вторая порвала ремешок пафосных босоножек. С этого момента Медный зарекся брать в тренеры расфуфыренных юных «психологинь» с разнообразных специальных факультетов.

Ну, и что написать? Что группа показала себя спаянной, обнаружив разницу в мотивационном характере межличностной кооперации? Вот упражнение «Бревно». Они стоят на бревне, а точнее – на невысокой длинной скамейке, по обе стороны которой разложены маты. Стоят в ряд: скамейка узкая, ее едва хватает для ног, а ступни Лис даже свисают с нее в воздух. Участники должны переместиться – перейти с одного конца скамьи на другой. Идти им приходится в буквальном смысле по ногам стоящих, хватаясь за их плечи, талии и повисая над «пропастью». Первый переход обычно не удавался, многих пугала интимность: девушки стремились отклониться от виснувших на них парней, чтобы, не дай бог, не коснуться, не прижаться грудью, прикрытую легким топилом. И тогда с визгом ряд валился на маты. Но после второго или третьего раза эта ребяческая стеснительность уходила, лица становились напряженными, краснели – не от стыда за случайное соприкосновение тел, а от натуги, потому что цепочка постоянно качалась. И наконец после пяти минут охов, выдохов, шепота – упражнение выполняется в молчании! – правый край полностью менялся с левым местами.

Вот в середине стоит Данила. Студент, причем круглый отличник, с внешностью громилы из «бригады» рыночных рэкетиров. Его прозвище – Танк, что говорит о многом... Лоб – как кабина карьерного грузовика. Коротко стриженные волосы намокли, как и майка на его огромном теле. Медный поставил его в середину специально: ведь если Данила наступит своей тракторной лапой на хрупкую девичью, перебираясь на другой конец ряда, то травм не избежать... Данила – самый сильный в этой группе, но и ему трудно. Он стискивает зубы, он бугрит лоб. Ему очень тяжело сохранять равновесие, хотя по цепочке, деликатно обвивая мальчиков белыми руками за шею, а девчонок – за талию, по ряду перебирается Соня – девушка с абсолютно белыми волосами, хрупкая и невесомая, а на ее босых ступнях видна каждая прозрачная жилочка. Она почти не нарушает равновесия, но цепочка людей, обнявшихся за плечи, качается...

После того, как упражнение пройдено, правда, с четвертого раза, все с радостным вздохом падают со скамейки на маты. Лис, не стеснясь, приподнимает майку так, что видно тугие окружности ее груди, вытирает ее краем пот. Ей тоже пришлось несладко.

– Ну и что? – вкрадчиво интересуется Медный. – Кому было тяжело удерживать равновесие? Ну?

Поднимают руку Данила и Лис. Все понятно, так оно и должно быть. Остальные, как оказалось, постоянно чувствовали, что их «что-то держит». Этими «чем-то» были два человека в группе, склонные брать на себя общую нагрузку, работая за себя «и за того парня».

– А вам надо бы было расслабиться, – советует Медный, – и перестать служить опорой для всех.

– Но тогда бы мы упали! И снова все сначала! – угрюмо гудит Данила.

– Откуда ты знаешь, что упали бы? Может, как раз этим ты дал бы остальным возможность не халявить, а поработать! – заключает Медный.

Его мысли, которые, словно водоросли, сплетаются, закручиваются в клубок, вытаскивая наружу все новые и новые подробности прошедшего семинара, прерывает Тятя-Тятя. Она появляется на пороге, держа в одной руке ведро с грязной водой и свои стоптанные кроссовки, а в другой – швабру. Все, она вылизала этот кабинет до блеска: в аккуратности Тяти-Тяти сомневаться не приходится.

– Вотандреюрич! – недовольно замечает она. – Скока говорили не курить, аони курятвсравно! Скока бычков по углам!

Медный усмехается. Наблюдает, как Тятя-Тятя, сев в углу, моет над ведром босые ступни и, перед тем, как обуть кроссовки, тщательно, полотенчиком, протирает каждый пальчик – розовый и такой же толстенький, как желудевое ядрышко. Из Тяти-Тяти получился бы идеальный участник семинара по телесной практике – она не стесняется своего бочкообразного тела нисколько, искренне считая, что дело совсем не в нем, а в том, что скрыто под слоем волос, эпителия и жировой ткани. И даже под тканью мышечной. Иначе говоря – в сердце. Тятя-Тятя верит в большую и светлую Любовь.

...Последний тренинг – самый жесткий. Отобранные ведущим девушки переодеваются в той самой комнатке, где сейчас сидит Медный, а потом «торговец невольниками» вводит их в общую залу. Это игра «Невольничий рынок», проводящаяся только тогда, когда участники семинара уже дошли до такой степени взаимопонимания, что охотно примеряют на себя любые роли. Их, рабынь, должны продать – и чем дороже, тем лучше, тем больше баллов для формальной оценки они заработают. Но сделать это не просто: не у всех покупателей накоплено достаточное количество собственных баллов-таланов. Мешают амбиции. Да и обосновать покупку придется.

Все трое реагируют на эту экзекуцию неодинаково. Под рванными простынями с сиреневым штампом общаги на их молодых телах нет ничего – это обязательное условие игры. Играть – так по-серьезному. Соня стоит и кусает губы. Она явно стесняется и своих чересчур белых



ног, и того, что лицо ее измазали сажей жженой бумаги – это постаралась Тятя-Тятя, подошедшая к поставленной задаче превратить рабынь в замарашек, как всегда, очень усердно. Стесняется Соня и оттого, что ее фигурка в общем хорошо просматривается под прорехами простыни и привлекает внимание мужской части покупателей. Камилла, вторая девушка, бодрится. Она явно решила сыграть ва-банк, изобразив эдакую юную развратницу. Простыня почти сползла с левой груди, виден яркий розовый сосок; Камилла улыбается, шутит вполголоса, стреляет глазами, пританцовывает худыми ногами, но поправить простыню не может – руки связаны сзади веревкой.

Связаны все трое. Невозмутимо стоит только Лис – ей в принципе плевать, что ее фигура под простыней выпукла и совсем не скрыта одеждой, что некоторые пожирают ее глазами. Она спокойно осматривает зал серыми глазами, выбирая себе достойного хозяина. Медный не стал бы с ней тягаться.

Начинается торг. «Хозяин», которого убедительно играет артистичный парень с ником Шкипер (ближайший помощник и соратник Медного), в вечной своей черно-желтой вязаной панамке на бритой голове, расхваливает свой товар, подскакивает то к одной, то к другой рабыне. Больше всего он терроризирует невозмутимую Лис и даже больно щиплет ее за грудь сквозь простыню, но та лишь кривит уголок чувственного рта. За Лис бьются Данила и Диман. Первому хочется, естественно, получить эту гордую царевну, хоть и виртуально, понарошку, в свое полное распоряжение, а второму – сыграть роль Спасителя: выволить Лис из «грязных лап» Шкипера и Данилы. На краснеющую Соню имеют виды блондин Алексей и тихий очкарик Никита. Камиллу, которая явно переигрывает, хочет купить Иван, долговязый черноволосый парень, видно, из сочувствия, потому что это в его характере – всем помогать.

Аукцион идет бойко, живо. Данила, уже предложивший максимальную сумму, подходит к Лис. По правилам он как покупатель может сделать с ней все что угодно: разжать зубы, осмотреть рот (не старуху ли подсунул лукавый торговец?) или же пощупать грудь (черт его знает, какие там у этих рабынь внешние данные!). Не ката в мешке покупаем. Но Данила нависает над Лис и только неуверенно тычет пальцем куда-то в плечо. Лис ухмыляется, обнажив в улыбке крепкие белые зубы, – это действует, и Данила боязливо отступает. Но тут Диман, занявший у Ивана немного баллов, называет новую цену и тоже срывается с места в углу зальчика, чтобы осмотреть покупку. По движениям его маленьких рук видно, как он переживает за девушку: поправляет готовый сорваться с груди край простыни... И все. Раз, два, три! Диман победил. Данила скрипит зубами. Хозяин развязывает Лис и подводит к Диману. На глазах у всех Лис дарит Диману нежный поцелуй. Учитывая баскетбольный рост девушки и «метр с кепкой» ее спасителя, это выглядит комично, но трогательно.

Данила включается в борьбу за Соню. Та жалобно переводит взгляд в сторону Ивана: девушки понимают, что их чести ничего не угрожает, но они уже включились в игру, и Соне не хочется оказаться в объятиях огромного Данилы. Ну, ну, еще... Соня дрожит, и к ее ужасу с левой груди совсем спадает простыня. Народ сдержанно хихикает. Соня заливается краской. Видно, Иван делает мучительный выбор и... отдает все свои оставшиеся баллы за Соню. Подойдя к ней, он первым делом поправляет на ней «рубище». Соня розовеет снова – до кончиков пальцев босых ступней. Происходит обратная ситуация: долговязый Иван, ростом раза в полтора выше блондинки, склоняется над ней и целует ее целомудренно – в щеку. Даниле ничего не остается, как за бесценок приобрести Камиллу. Та, освободившись от пут, стягивающих ее запястья, с визгом вскакивает на руки Даниле, стискивая его, словно клещами, голыми загорелыми ногами. Тот, не ожидая подобного напора, покорно несет хохочущую, визжащую девчонку к своему мату.

Это последняя игра. Когда уже все привели себя в порядок, вернулись в обычные джинсы, рубашки или топики, расселись на матах и стали пить приготовленный Тятей-Тятей чай, Медный приступил к проведению «Симорон-часа».

– Вот мы и выбрали невест, – говорит он задумчиво, прохаживаясь между сидящими; в небольшом зальчике голос его слышен хорошо. – Вы, конечно, их покупали... Но за символические деньги. На самом деле не столько была важна цена, сколько сам процесс выбора... Так и в жизни: мы выбираем, нас выбирают. Процесс покупки – это просто акцентуация выбора, концентрация его. Задача первая: какой ритуал можно придумать, чтобы приманить того жениха, который вам нужен? Безошибочно.

Все начинают галдеть, предлагая разные варианты. Медный поднимает руку:

– Спокойно! Давайте без этого дешевого симоронизма: вылепить из теста фигуру мужичка и запечь его с десятирублевой монетой в духовке. Чтоб, мол, характером был сдобный, а кошелем – добрый. Это не катит. Ваши варианты?

– Если мы хотим, чтоб он был ДУШевный, – замечает Лис, вальяжно расположившаяся на матах: большие длинные ноги разбросала чуть ли не на полкомнатки, – то жениха надо выбирать под ДУШем.

– Маньяком будет. Стопудово! – комментирует Данила.

– Нет. Не обязательно. Вот у меня подруга с собой в ванную пупсика брала. Детского...

– И что?

– Она ребеночка хотела. И ребеночек появился.

– Через девять месяцев после того, как сантехник прокладки поменял! В душе!

– Да ну вас... все время вы о пошлом. Нет. Просто так. От любимого.

– Лис, конкретнее...

– А что – «конкретнее»? Есть такие шампуни детские, в виде мужика...

– Так прямо и мужика!

– Ну, человека мужского пола. Ручки, ножки... Так, Данила, молчать! В общем, вешаешь его на душ и... и говоришь: «Душа ты моя! Мыло взяла, мою тебя, приди – любя!» Вот. Само сочинилось.

– Ага. Маша мыла Раму...

– А что? Рама, между прочим, – один из богов. Появится – красивый, как молодой бог...

– Вечно молодой, вечно пьяный...

Из шутливой перебранки возникает сначала стих, потом ритуал. Пока участники обсуждали достоинства молодого и пьяного жениха и отдельно – старого, но трезвого, Камилла что-то писала в блокноте. Потом вскочила, потребовала тишины хлопками ладоней и продекламировала:

Три верблюда прикурили,  
Три бобра к ним подкатили.  
На телеге, пьяный в дым,  
Развалился дед Кадим.  
Бабка сеяла горох,  
К ней притерся скоморох.  
Жизнь ведь это балаган,  
Никому теперь не дам.  
Секс полезен для здоровья  
Вместе с молоком коровьим.  
Там пастух и две свинарки  
Опрокинули по чарке,  
Закатили пир горой —  
Буду вечно молодой!

– Отлично! – похвалил Медный. – Про все сразу... и секс, и молоко, и дед – старый, и он же – молодой. Ну, у кого еще?

– У меня! – азартно сказала Камилла. – Все сразу – это реально. Про все сразу тоже есть... Вот!

У меня была квартира,  
В ней хранилось много сыра.  
Мышь прокралась под забор,  
Зайцы вышли на дозор,  
И Мазай в своей пироге  
Вдруг явился на пороге.  
Он покрасил двери в доме,  
Пребывая явно в коме.  
Даже если мир – больница,  
Хвост распушит свет-девица,  
Вместе с братом-младцом  
Найдут денег под крыльцом.

Ритуал решили затвердить такой: стоишь под душем, поешь; но стоять под душем нужно в том, в чем собираешься встретить жениха, хотя бы с точки зрения верхней одежды. Отдельные скептики возразили, что стоять в пальто под душем вредно, в основном для самого пальто. На что здравомыслящие ответили, что в химчистке, например, пальто и не так мордуют... главное – вовремя высушить. Сошлись на том, что сначала надо попробовать, а потом говорить.

Вот что вспоминал сейчас Медный, но так и не находил слов, чтобы изложить все это на бумаге кургузо-парадным слогом рекламного буклета. После семинара он получил неплохую Команду. Как это было назвать? Коммерческий успех? Чудо? Эффективность технологий?

Тятя-Тятя между тем закончила обуваться, расправила на полных икрах джинсы и сообщила, что во время семинара произошел прискорбный инцидент: у Данилы из кармана куртки пропала пятисотенная купюра. Данила, живший на широкую ногу, не особо этим опечалился, но Тятя-Тятя заметила и не преминула сейчас сообщить. Андрей встревожился.

– Одежда в этой комнатке висела... под замком! Тьфу, черт, только этого нам не хватало!

– А вы эту Веркусердючку не берите больше! – запальчиво взвилась Тятя-Тятя. – Ненрвитсяонамене... Ворватаяона, вот!

Речь шла о такой же долговязой, как и Лис, участнице семинара, которую взяли бесплатно: не хватало пары одному из участников. Шумливая, крутобедрая девчонка сначала очаровала всех своей непосредственностью, но потом выяснилось, что она жадна и глупа, а это были те качества, которые в их кругу не прощались. В итоге Вера исчезла на четыре часа раньше, отпросившись у Медного.

Стоя уже в дверях, Тятя-Тятя спохватилась. Достала что-то из кармана мужской клетчатой рубахи, подала Медному.

– Платоквазьму... Аэтоятоншла вуглу, вот! Оборонил ктота...

На ладонь Медному лег металлический жетон – неуклюжий, напоминавший шестиконечную звезду, сделанный, вероятно, из олова – судя по весу. На нем были грубо выдавлены две витиеватые буквы «Р» и «М». Медный подбросил жетон в руках.

– Что-тта? – подозрительно спросила Тятя-Тятя, блестя очками.

– Могендовид, наверно. Шестиконечная звезда. Только очень грубо сделанная, – рассеянно ответил Медный. – Ладно. Платок ты сама отдашь...

– Постираю.

– А это пусть лежит у меня в ящике.

- Пакапака, анреюрч!
- Счастливо, Тятя!

Бросив оловянный кусок в ящик, Медный забыл о нем. После ухода добровольной технички «Лаборатории» он еще некоторое время сидел, тупо глядя на лист бумаги с заголовком. А потом тоже отложил его в ящик, завел руки за голову, выгнулся, зевнул... А, черт с ним! Провели и провели. Семинаром довольны. Особенно финальным зиккром при свечах, который танцевали уже в состоянии полного душевного комфорта, некоторые были даже в символических набедренных повязках. Медный вспомнил, как после такого же семинара приглашенная на него молодая преподаш из института экономики и права, остервенело напяливая на себя свитер и натягивая сапоги-чулки в «предбаннике», раздраженно выговаривала ему:

– ...Вы, молодой человек, и понятия о психологии не имеете! Какой-то бардак с элементами Симорона... сплошная дискредитация! Шабаш!!! Жестокость, выбор... Кошмар! Я своих студентов к вам на пушечный выстрел не подпущу!

С тем и ушла. Правда, ее студенты и составили костяк его группы. Но денег это не приносило, а ему, снимавшему этот офис на последние средства, пора было подумать и о заработке.

Медный закрыл помещение; проходя мимо охранника внизу, посчитал пальцами мелочь в кармане куртки и вышел в синеву августовского дня. Что ж, хватит на метро и на бутылку пива. Дома. А там – как Дао рассудит...

## Документы

*Подтверждено источником: [https://wikileaks.org/wiki/Assasin44675765-99535423-p999\\_confidential\\_reports](https://wikileaks.org/wiki/Assasin44675765-99535423-p999_confidential_reports)*

*Строго секретно. Оперативные материалы № 0-895А-88976455*

*ФСБ РФ. Главк ОУ. Управление «Й»*

*Отдел радиоперехвата*

*Перехват телефонного разговора в рамках операции «Невесты»*

*Новосибирск (телефон зашифрован) – Новосибирск (телефон зашифрован)*

*Фигуранты: Медный – Шкипер*

*Перехват 0:15–6:30*

*Начало устойчивой связи: 0:10*

- ...А че делаешь?
- Да вот, пиво пью. В одиночку!
- Жаль, не могу составить компанию. Работа! Привалили дизайн-проекты...
- Дело хорошее.
- Слушай, ты извини, что я не смог сегодня... Много наших-то убираться пришло?
- Куча народу.
- Да ты что?! Ох, блин...
- Ага. Просто толпа. Одна Тятя-Тятя.
- Ну, екарный бабай!.. Извини.
- Ладно, замнем для ясности. Зато она все так вычистила, что даже с прошлогодних семинаров бычки нашла.
- Она может. Ценного ничего не нашла? На общак пусть кладет.
- Да нет. Какую-то оловянную штуку нашла. Как грузило.
- А может, и правда грузило?!

– Балда. Тут рыбы нет – это я говорю, директор катка... помнишь анекдот? Нет, ерунда какая-то. Типа шестиконечной звезды. Еврейский жетон, одним словом. Только больно корявый.

– Точно оловянная? Может, серебро?

– Расслабься. Олово... И буквы – «Р» и «М».

– Рожденные мерзнуть... согреться не смогут. Понял. Точка сборки?

– А черт его знает... Точка сборки – это то, что у Данилы кто-то пятихатку из куртки взял.

– Да ну? Печально. А помнишь, эта барышня... Верунька-то... она все шастала в комнату с одеждой?

– Помню.

– Какая-то она... глазки хитренькие. Надо будет попытаться.

– Да просто следить нужно за вещами. Дежурного назначим... Слушай, Шкипер, Тятя Тятя что-то говорила о «сиреновом тумане». Что это за ерунда?

– А... Помнишь, Валерка-фотограф нас снимал во время зиккров? Ну, финальных, со свечами?

– Да. Помню. Для архива.

– Ну так он мне позвонил, говорит, мол, удивительно: идут кадры как кадры, всюду затемнение, он фото обрабатывает, а потом кадра три – сиреневая вспышка. Яркая. Совершенно необъяснимо.

– Может, пленка...

– Какая пленка? У него цифровик!

– А, точно...

– В общем, фотоаппарат в порядке был, аккумуляторы тоже. И тут такая фигня. Хочешь, сам позвони – телефон дать?

– Ладно, потом. Шкипер, я тебе вот из-за чего звоню. К нам вроде факс пришел – Лис мельком рассказала. Из Египта.

– Ни фиги себе! Чем это мы отличились?!

– Какой-то мужик предлагает провести семинар. В Шарм-эль-Шейхе, ни больше ни меньше. Со всем добром – медитацией в пустыне, зиккрами, играми...

– Так соглашайся!

– Да я вот думаю, не пошутил ли кто?

– Тьфу на тебя... черт, опять винды зависли. Соглашайся, я тебе говорю. Сразу ему письмо: так, мол, и так, согласны. По штуке баксов на брата – и вперед!

– А почему по штуке-то?

– А почему по сто?! Медный, ты считать не умеешь. Зови нас, мы поможем.

– Ладно. Надо на неделе собраться, решить, как жить дальше. Срок оплаченной аренды кончается! А денег нет... Скоро тренинги негде будет проводить.

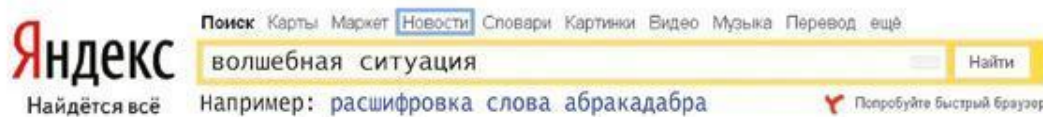
– Вот, бери руки в ноги, ноги в руки и отписывай в Египет – согласная я! Фу, собака...

– Ладно, Шкипер, настраивай винды, не буду мешать. Пока!

– Пока, Медный...

*(Окончание устойчивой связи: 06:46)*

## Новости



«...Скандал, вспыхнувший на прошлой неделе с объявлением официального адреса сервера новой глобальной поисковой системы abracadabra.go, продолжает разгораться. Судя по информации системы, ее сервер расположен в городе Туле, в Гренландии, на полуострове Хейс, а сам поисковик зарегистрирован в органах самоуправления Гренландии, формально являющейся автономной территорией Дании. Однако представители датского министерства информации и связи опровергли этот факт, заявив, что по их данным регистрацию для поисковика предоставила республика Перу, а сам сервер размещен в высокогорной точке близ города Куско, где, согласно мифологии древних ацтеков, находился вход в мистическую страну Туле... Пока Дания и Перу на уровне консулов разбираются в этом недоразумении, директор ЦРУ Портер Гросс обнаружил, что поисковая система легко выдает информацию о 2653 сотрудниках и агентах ЦРУ, работающих „под прикрытием“, включая их фото, досье и пароли для почтовых ящиков. По его словам, здесь сложилась „волшебная и одновременно ужасная ситуация...“»

*Уолтер Пирслей. «Волшебники ниоткуда»*

*The Guardian, Лондон, Великобритания*

## Тексты

### Юлька, Андрей, Дакота

Они двигались на пересекающихся курсах, как немецкая подводная лодка и транспорт союзного конвоя второй мировой; двигались неумолимо и почти не видели, что пути их сходятся в единственно возможной точке.

Она шла от фонтана, ткавшего свое рассыпчатое серебро напротив высотного здания областного Совета, шла босиком, так как ее туфли с квадратными каблуками давно и уютно лежали в пакете, оттопав свое по коридорам института. Там на нее без обуви посмотрели бы косо, а она старалась таких взглядов избегать.

Он шел, вихляя, от пивнушки в глубине жилмассива, пивнушки обычной, зассаной сзади, засыпанной рыбьей чешуей и с покосившимися грибками-столиками.

Она смотрела себе под ноги, наблюдая, какие четкие, неожиданно рельефные очертания оставляют на горячем асфальте ее голые ступни – очертания, на глазах исчезающие, будто стираемые огромным невидимым ластиком.

Он смотрел на стакан в руке, чтобы не расплескать, и время от времени смачно отхлебывал из него, роняя капли на несвежую рубашку под кожаной курткой.

Она была худенькой, даже болезненно худой, с длинными каштановыми волосами, обрамлявшими лицо, подобно раме. Шла с сумкой, из которой высовывался корешок какого-то учебника, – явно студентка.

Он – двадцатилетний вахлак без определенных занятий, вернее, с их пугающим разнообразием: от кражи мобильных из карманов пьянчуг до мелкого рэкета среди учеников технического колледжа.

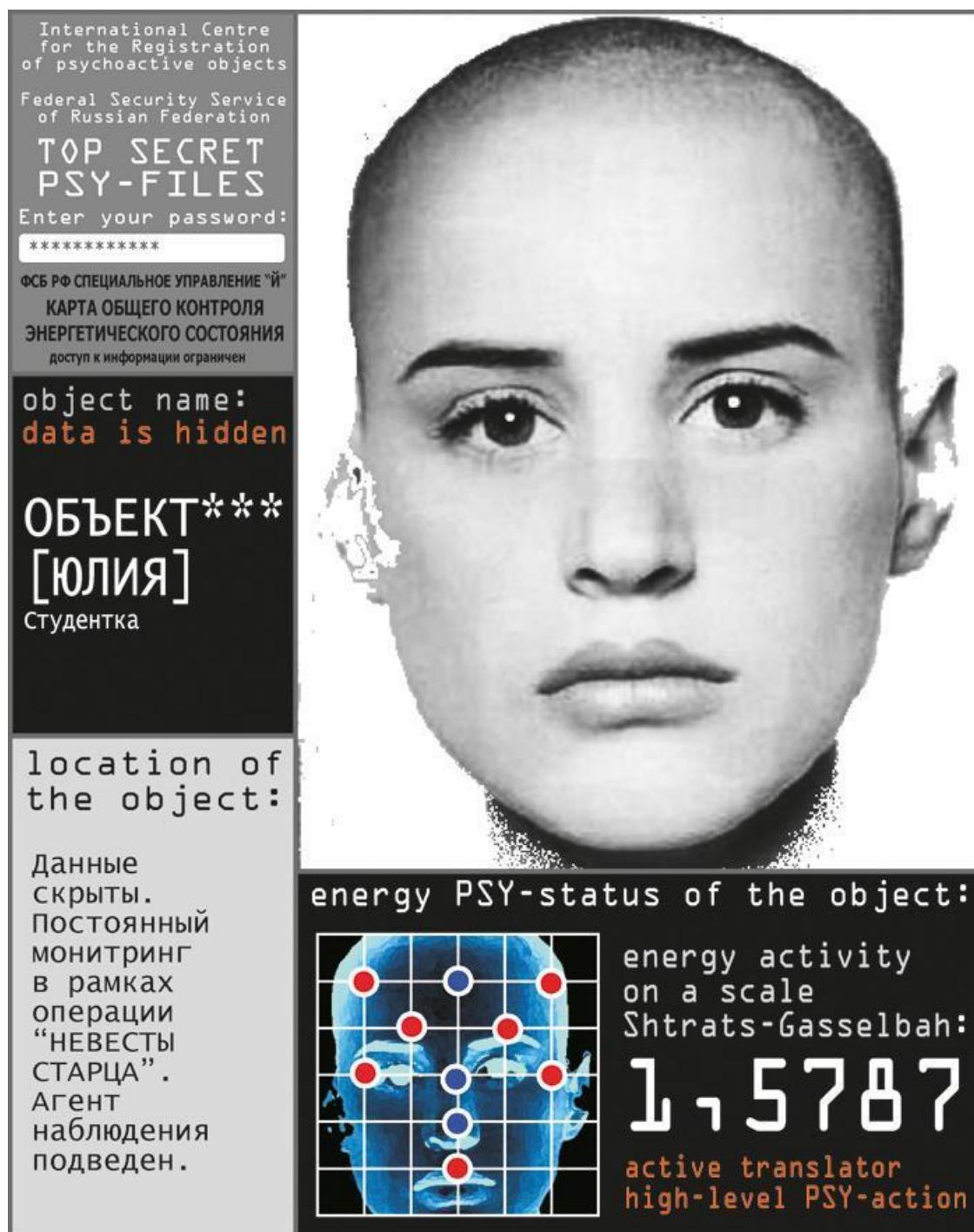
Видимо, мало что могло быть общего между ними, ведь похожий маргинальный период в ее жизни давно миновал, а лучший, возможно, будущий период этой длинноволосой девушки в белом, горошковом платье никогда не начинался! Поэтому они столкнулись метрах в трех от скромно шумящего фонтана. Рифленая подошва могучих кроссовок прошла по худеньким, тонким пальцам босых ног с каемкой городской пыли. Девушка побледнела от резкой боли и обронила покорно:

– Извините...

Парень замедлил шаг, обернулся; непонимание немного оживило черты его деревянного лица: больная, че ли? Он ей по лапам протоптал, а она извиняется... Рот открылся, схватил воздух, силясь исторгнуть в мир осмысленный звук, но, кроме короткого «Бля!», так ничего и не родил.

Так этот слюнявый рот и почапал дальше.

А девушка, прихрамывая, повернула от фонтана к дому.



Время, безусловно, лечит. Только не дает больничного. Когда Юлия Шахова очнулась в просторной светлой квартире где-то в самом поднебесном этаже цельнолитой высотки, она не помнила никого: ни звероподобного Сарасвати-Бабы, ни Синихина-Слона, ни посланца ассасинов, ни людей из Спецуправления «Й». События, начавшиеся с попытки нанесения интимной татуировки и закончившиеся жуткой битвой на крыше заброшенной «банки» линии теплоснабжения, оказались изъяты из ее памяти, словно компьютерный файл, выкинутый из Корзины на Рабочем столе. И никто не спрашивал ее любезным слогом Windows: «Вы уверены?» – просто за нее нажали «ОК», и все, боль ушла, впустив в душу светлую умиротворенность, слабый, немощный покой, который бывает обычно у людей, вернувшихся с того света, переживших клиническую смерть.



Ей, стараниями Заратустрова, а точнее, даже не стараниями, а просто по одному его звонку куда-то в приемную безликой городской власти, дали двухкомнатную в Шевченковском жилмассиве. Ее взяли в институт учиться на юриста, и Юлька, после нескольких лет жизни в полусне, вновь обрела вкус к безостановочной, упорной учебе. Ей было легче, чем сокурсникам. Те еще метались, жадно ухватывая прелести модных ночных клубов, дорогой выпивки, возвращений на такси за полночь, ди-джейских сетов, привезенных «специально из Москвы». А она лишь усмехалась, слушая эти щенячьи рассказы в курилках и коридорах: все это было, было, было. Ей – было! – уже не интересно.

Шевченковский жилмассив, выстроенный, да еще и продолжавший вгрызаться бетонными сваями и стальными каркасами в бурое ложе бывшей реки Каменки, оставался проклятым местом, несмотря на все старания дорогих наемных ландшафтников, щедро оплаченных строительной компанией. Когда-то, в августе тысяча девятьсот девятого, на этом месте повздорили два мещанина, имена которых не сохранили архивы: одному понравилась супруга другого, носившая, кстати, не самое эстетичное прозвище Фекла Одна Лошадь... И вместо того, чтобы просто по-русски начистить морду соседу, открыто ухлестывающему за его женой, оскорбленный муж поджег дом своего обидчика. Деревянные домишки в тысяча девятьсот девятом в Закаменском районе стояли плотно, как пассажиры метро в час пик, – проходящего ныне как раз под этим местом! – и целый район занялся почти сразу. Как назло, дул сильный южный ветер с Алтая: огонь понесло на центральную часть города. Единственным автомобилем тогда в Ново-Николаевске был «форд» купца Маштакова, выпуска тысяча девятьсот третьего года, и тот – легковой. А пожарные машины заменяли телеги с двумя бочками воды.

Пожар, страшный и разгульный, бушевал в городе трое суток. Зарево его видели крестьяне деревень, близких к Томску. Через три дня от города осталось пепелище. Из углей торчали закопченные трубы. Уцелело лишь первое каменное здание города – собор во имя святого Александра Невского – и насквозь деревянная, сухая церковь Покрова Пресвятой Богородицы. И то, говорят, было чудо: поп вынес в огонь, бушевавший вокруг, икону, список Казанской Божьей Матери, да огонь и обошел церковку клином, спалив все вокруг, но не тронув ее сухие, как солома, стены.

А через девяносто лет на этом месте, в бурый песчаник, некогда обрамлявший берега мелкой, хоть и рыбоводной реки Каменки, вошли железобетонные штифты. На них поднялся Шевченковский жилмассив – один из самых уродливых в городе. Шестнадцати- и десятиэтажные кирпичины налезали друг на друга; их подножья прорезали холодные водопады лестниц, сжатых стенами каменных блоков. Все тут было запутанно и мрачно, словно в средневековой крепости, построенной для отражения орд кочевников, – и самым жарким летом здесь царили вечный полумрак, холод и грязь, в углах этих лестниц валялись использованные шприцы с остатками яда, припорошенные пылью да тополиным пухом, скапливавшимся здесь и умиравшим в холоде. Поэтому перед входом в Шевченковский Юля всегда обувалась. Приятна была эта средневековая хладность под босыми пятками, романтична, но шприцы романтику сильно убавляли.

Именно тут ей дали квартиру.

И здесь же она познакомилась с Андреем. Произошло это так.

Случилась муторная, очень быстро укусившая морозом, злая зима. До середины ноября все тонуло в тающих бело-сизых соплях, а потом за одну ночь, споро собравшись, как карательные эскадроны, грохнули морозы, превратив в ледники лестницы и надев ледяные чехольчики даже на иглы чугунных заборов. Горожане вроде привыкли к гололеду, карабкаясь по стеночкам, будто парализованные, но к вечеру пошел добрый ласковый снежок и предательски скрыл все накануне замерзшие места.

На одно из таких и попала Юля, пробираясь каменными лабиринтами. Сначала соскользнула правая нога в сапоге, потом левая, затем она с писком хлопнулась на ледовую дорожку,

образовавшуюся здесь от гаража, – там всегда мыли автомобили, – и поехала, поехала вниз, царапая ногтями лед под этим невесомым, пушистым снегом. Самым страшным было то, что она ехала к абсолютному обрыву: ледяная дорожка пересекала протоптанную тропинку, а потом обрывалась перед кирпичной стеной дома. Но между обрывом и стеной оказалась еще глубокая ниша – метра два высотой, каменный мешок. Туда летела девушка...

Она даже кричать толком не могла – снежная пыль сразу забилась в легкие. Только, крутясь, извиваясь на ледяной горе, видела краем глаза: по тропинке идет какой-то упитанный парень в лыжной шапочке и пуховичке, с каким-то портфелем. Вот он поднял голову в очках, посмотрел...

В следующую минуту толстяк неуклюже, животом, бросился вперед на наледь. Юля со всего размаху ударилась острыми шпильками сапог ему в бок, протащила полметра, но под тяжестью чужого тела их «паровозик» остановился на самом краю пропасти. А портфель толстяка, вылетев по инерции за край, хрустко ударился о каменную стену да канул вниз.

– Ой... простите... – пробормотала Юля, с трудом поднимаясь.

Она вообще много извинялась. По сравнению с прошлой жизнью. При каждом удобном случае... Парень тоже неуклюже поднялся. У него было полное круглое лицо колобка-«ботаника» и смешные круглые очки. Лыжная шапочка от падения сползла набок, как шляпка гнилого желудя.

– Ваш... портфель... улетел туда! – смущенно проговорила девушка, отряхивая свое стеганое пальтишко, и добавила решительно: – Пойдем! Достанем!

Они спустились вниз, еще глубже, в казематы, к стене дома. Черная плоская сумка валялась на краю подвальной шахты. Толстяк, сопя, взял ее, разорванную сбоку, и... из этого бока жалко вывалилась округлая пластмассовая капля бедной «мышки».

– Ноутбук?! – ахнула Юля.

Парень только убито кивнул. Поправил очки, глянул на нее спокойно и даже добродушно, сказал приятным баритоном – и вроде бы не к месту:

– А меня Андреем зовут...

– Андреем, – эхом отозвалась Юлия, только сейчас понимая, какую цену заплатил этот симпатичный нескладеныш за спасение ее, в общем-то, никчемной жизни.

И решившись, выпалила:

– Ну... пойдем, Андрей, ко мне. Я тут недалеко живу.

– Зачем? – Он снова комично поправил очки, одна дужка которых, видимо, тоже пришла в негодность.

Юлька усмехнулась. Ей, прошедшей и Крым, и рым, два года сидевшей на наркоте, пробовавшей себя даже в роли девушки по вызову, – ей было нечего терять.

– Зачем? Чай пить... Разговоры разговаривать. Пошли!

...Этим вечером она так и не затащила его в постель. Не потому, что не хотела или не могла, – нет. Натренированным женским сознанием, привыкшим четко распознавать малейшие намеки на вторжение в свое личное пространство, она зафиксировала его голодные взгляды, которые он кидал на ее голые ноги и плечи, – дома Юлька ходила в обрезанных по краям лохматых шортах и тельняшке без рукавов. Нет. Не случилось. Они вдвоем осмотрели останки разрушенного прямым попаданием в стену ноутбука, выпили чайничек черного чая, а потом... Потом говорили. До утра.

Андрей оказался восемнадцатилетним программистом из далекого города Мирного, приехавшим в Новосибирск для участия в региональной олимпиаде по информатике; жил в интернате Академгородка, временно. Впрочем, и в Мирном он жил в интернате – родители его разбили в тундре на рейсовом «Ан-24». Возвращаться ему, кроме интерната, было некуда.

И он остался у Юльки.

Так началась ее новая жизнь. Непохожая на прежнюю. Те кавалеры из прежней жизни часто и длинно сплевывали сквозь зубы, изъяснялись короткими и острыми, как дротики, фразами, носили кожаные куртки или спортивные костюмы, предпочитали водке спирт. Андрей же не пил ничего крепче кефира, в котором, как известно, содержится некий процент алкоголя, одевался в потертый джинсовый костюмчик и черную водолазку, а о шприцах знал только то, что ими делают прививку от гриппа и краснухи. В ночном клубе с ним делать было нечего, но туда Юлька и не стремилась.

В ее жизни появились долгие прогулки по весенним паркам города, сидения на мокрых, едва отошедших от снега скамейках с заботливо постеленным под ягодицы пакетом. И – молчание. С Андреем вовсе необязательно было разговаривать: он и молчал комфортно, помаргивая иногда добрыми глазами под толстыми линзами. Он воспринимал девушку такой, какой она была, а точнее – какой стала: тоже молчаливой, иногда уходящей в себя; не требовал ни соответствия моде, ни следования «понятиям». С ним было проще. И спокойнее.

И только... только изредка странно начинало ныть внизу живота. Нет, не от недостатка, – с ним они спали хорошо, искренне, как котята, прижавшись друг к другу. Юлька сама поразилась: этого не было давно, очень давно. Но однажды, где-то в середине лета, острая боль скрутила ее там, где сходит на нет треугольник волос, и потащила, швыряя об стены, в ванную. Ее вырвало. На розовой глади раковины отпечатались странные потеки, они сползали вниз треугольником, что почему-то показалось ей зловещим. На следующий день она, пропустив две последние пары, побежала к платному гинекологу. Седой дяденька устало осмотрел ее, разъятую в кресле, и сказал, что все в порядке, по внешнему виду, но надо бы, конечно, сдать анализы. Анализы сдала – чисто. Организм молод, хотя и порядком потрепан, но – чист!

А еще через полмесяца острый клинок воткнулся в нее вновь, на лекции. Кое-как выползла из-за парты, добежала до туалета да рухнула в обморок на кафеле. Почему-то последнее, что отпечаталось в мозгу, была латинская буква V – но не багрового, как можно было бы предположить, а ядовито-зеленого цвета. «Скорая» ее откачала быстро, врачи поставили диагноз – тепловой удар. На том все и закончилось.

От Андрея она это скрыла.

Юля уже давно никого не шокировала, по крайней мере специально: то время прошло. Но студенческое, казалось бы, ко всему привыкшее общество СибАГСа – Сибирской Академии госслужбы – она все-таки шокировала. Тут простых девушек не было, бесполезно и искать. Самые крутые самостоятельно подъезжали к входу на звероподобных «крузерах», барышень попроще привозили личные шоферы. И только мелькали у кирпичных, дурновкусовых стен бывшей областной партийной школы разноцветные номера: то с флажком областной Думы; то белые на синем – областное УВД; то какие-то блатные сочетания из трех цифр, неважно каких, главное – чтоб все одинаковые и чтоб в конце обязательно стояло «УХ», с мысленно прибавленным восклицательным знаком. Самые сырые и убогие, не вышедшие породой, довольствовались чужими задастыми «мерседесами», этими жертвенниками продажной любви. И только одна из сотни, если не из тысячи этих дев, внешне мало различимых, покрашенных в блондинистое и обтянувших ягодицы джинсами, добиралась в СибАГС своим ходом.

Юля каждое утро проходила от Шевченковского пешком до этого земного рая. И путь ее занимал всего десять минут: зимой – под мостом, по замерзшим, ледяной ковки, тротуарам; а летом – по шелковистой траве газонов, босиком. И поднималась она по ступеням вуза, попадая под быстрый шрапнельный просвист уничтожающих взглядов: «Оссподя, какая чувырла! Ни прически, ни укладки – так – дешево мелированные волосики; ни тебе геля, ни... ничего такого... Минимум косметики на лице, о румянах и тональном креме эта чувиха даже, наверное, не слышала. Вот дура! Майкой ее давно пора полы мыть – такое уже не носят, да и длина: хоть бы пупок оголила, как любая нормальная девка. Джинсики... Ой, держите меня семеро,

девчонки! Разве это джинсы?! Это же срань господня. А что у нее на ногах? Эти сандалеты детские, и пальцы без педикюра. Ну чисто шалава, да и та бедная».

Так говорили те, кто стоял на крыльце, делясь сексуальными впечатлениями от прошедшей ночи: с кем поехали из ночного клуба, куда и сколько Он Ей палок кинул. А Юлия проходила мимо них, демонстративно заткнув уши твердыми комочками: провода тянулись от плеера, где ее вечнолюбимые «Beatles» жарили свою «Let it be». Проходила и шла делать то, за чем явился сюда, наверно, только один процент доблестных и фигуристых студенток СибАГСа, – шла ЗАНИМАТЬСЯ.

...В этот день Юля очень торопливо сбежала по мраморным ступеням. Она специально подождала мертвящей середины пары, когда один поток схлынул, а второй еще томился в аудиториях. Она знала: за ней следят. Среди сокурсниц заключались пари: какой дурак клюнет на эту уродку. Или у нее такой пиар?! Посмотрим...

Юля узнала об этом случайно, в исконном месте рождения плесени всяких слухов – в туалете, и с тех пор строжайше запретила Андрею каким-либо образом появляться рядом с СибАГСом. Ни встречать, ни провожать – ни в коем случае!

Но они все равно отслеживали ее: на какой автобус садится, в какую маршрутку втискивает свое худое и гибкое, как у дворовой кошки, тело. Куда? В какой район? Придет ли вовремя на следующий день к первой паре или опоздает? Ах, узнать бы, С КЕМ она была! Она – этот немой укор вышколенному гламуру, поднятому на щит будущих сибирских чиновников и чиновниц.

Поэтому от СибАГСа Юлька рванулась в противоположную сторону, чтобы создать впечатление, будто она собралась в центр. И там, скрывшись за длинным телом троллейбуса, пошла, быстро прячась за жидкими кустами, в сторону библиотеки. Затем нырнула в подземный переход под напоенной бензиновой гарью улицей. И через четверть часа Юля своими пыльными босоножками на платформе переступила порог того места, к которому могла добраться от своего вуза за пять минут. Порог поликлиники № 3 Октябрьского района, обслуживающей и ее, и многих прочих студентов по месту жительства – будь то общага или снимаемая квартира.

Девушка уверенно прошла влево, в коридор, сияющий белым, у входа в который горело мутное табло: «ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ». Внезапно ближайшая дверь открылась, и крупная женщина с румяным лицом, в стоящем торчком крахмальном халате, появившись перед Юлей, как ангел мести, заорала прямо в лицо:

– Куда прешься, дура! Бахилы хто на тя обует, а?

Юля вздрогнула, покорно вернулась: она уже не помнила, когда была в этих стенах, поэтому проглядела два ящика с блеклыми надписями про бахилы. Она натянула на ноги морщинистый фиолетовый целлофан и, мерзко им шурша, снова пошла в коридор, под свет безжалостных белых ламп. Юля уже поняла: сегодня дежурный участковый – Свиридова. А это – конец. По-крайней мере полчаса ужаса обеспечено. И девушка не ошиблась.

Остановившись на пороге смотрового кабинета – в этот предобеденный час тут не бывало очереди! – она услышала:

– Ну чо стоишь, кар-рова? Проходи, раздевайся. Опять в подоле принесла? Шляитись где-то, а потом все к доктору бежите...

Юля не стала ничего объяснять. За ширмочкой поспешно разделась до пояса, босые подошвы ощутили скользкую, неприятную прохладу пола; подошла к креслу, взгромоздилась. Свиридова возилась у шкафа с медикаментами, зло гремя железом о стекло. По телу Юльки пробежала судорога, какие-то давние воспоминания накатили, навалились, прошлись гребенкой по сознанию: ведь она так сидела в другом кресле, где тату... где ей что-то наносили на... Она открыла глаза: доктор Свиридова с большим зеркальцем-прожектором на лбу уже склонилась над ее лоном.

– Ну? – сквозь зубы процедила доктор. – На что жалуемся, ба-альной?! С кем гуляла? Какой срок?!

– Бо-олит просто... – прохныкала Юля, выгибаясь. – Иногда такая боль... резкая... не могу понять.

Это были пять минут ужаса. Свиридова, известная своей патологической ненавистью ко всем пациенткам моложе двадцати, копалась в ее внутренностях грубо, жестоко, будто разбирала старую кладовку. При этом она ругалась вполголоса, чертыхалась. И наконец, разогнувшись, брезгливо стягивая с руки розовые резиновые перчатки, обронила то ли с разочарованием, то ли с обидой:

– Нет у тебя ничего. Чистая. Гуляй дальше!

– А... это...

– Подмывайся чаще! – резко оборвала она ее. – Тогда и болеть не будет. Гулять-то вы все мастерицы, а вот себя блюсти...

Девушка одевалась за ширмой. Коричневая клеенка ширмы утешающе, робко колыхалась. Когда Юля выходила и уже шуршала фиолетовыми бахилами на пороге, Свиридова мстительно бросила в ее худую спину:

– А детей у тебя не будет. Можешь забыть! Вискребаться не надо было... по третьему разу!

И, раззявив рот, полный золотых зубов, закричала громко да ненужно, только чтобы прогнать с порога эту маленькую сволочь – немой укор ей, до сих пор незамужней: «Сле-е-душай!!!»

Этот крик догнал Юлию и накрыл, как ударная волна близкого минометного разрыва. Она чуть пригнулась; проходя мимо корзин, содрала с ног фиолетовые бахилы. Шла, шатаясь, шаг сбивался... Как же так? Не будет. Можешь забыть! Ей же говорили: ничего, девка, и не такие рожали... Значит. Значит... Только пройдя мимо дремлющего охранника и оказавшись на теплом, нагретом крыльце, она обнаружила, что вместе с синим мешком выбросила в ящик босоножку с правой ноги. Поэтому и шаталась, и хромала. Юля обернулась. Буквы вывески женской консультации номер какой-то расплывались в контактной линзе слез. Она постояла еще немного, потом меланхолично сорвала с ноги вторую босоножку и бросила ее в стальной зев загаженной урны. Черт с ними. Все, забудь. Не будет.

...Первый раз по бетонным плитам Шевченковского, скользким и неприятным, она шла босой, как Иисус по лестнице на Голгофу, как Жанна д'Арк по коридорам монастыря-тюрьмы. Плевать!

Каменные гробы обступали ее со всех сторон, давили плечами, как в гигантской подземке. Но, не доходя до стальной двери подъезда, Юля внезапно повернула назад.

Она выбрала укромный уголок – в каменной нише. Села джинсами прямо в скопище бычков и мелких, уже жухлых листиков; разбросала ноги в джинсах; нашла в тоненьком портсигаре последнюю сигаретку с травкой, которую хранила на черный день, и высекла из зажигалки синеватое пламя. Дым расширил легкие, облегчил ношу; девушка с ухмылкой посмотрела на свои босые ступни на серо-фиолетовом бетоне, покрытые пылью, – ведь она прошагала так от самой консультации. Что ж... пусть будет так!

Дым поднимался в распаренный воздух столбиком...

Полдень. Разруха. Конец жизни.

Но на пороге квартиры она появилась с радостной улыбкой, вот только щеки были как-то странно горячи. Андрей сидел на диване, перелистывая какой-то фолиант-курсовик. Поднял голову:

– Привет, Юль... А ты чего так поздно?

– Да у меня семинар был. По римскому праву, – проговорила девушка, вешая сумочку на крючок, и тут же с ужасом увидела, что толстая тетрадь с надписью «РИМСКОЕ ПРАВО. КОНСПЕКТЫ» лежит на самой верхушке горки учебников на столе. И сразу поправилась:

– Да не сдала... забыла все. Думаю: пойду без подготовки. Сейчас, я ноги помою...

– А что ты...

– Да каблук сломался! – прокричала Юлька уже из ванной.

Последняя надежда было на то, что Андрей не отличит термин «каблук» от термина «платформа».

...Это объявление Юлька обнаружила на мусорной урне у подъезда. На черный пластик какой-то умник налепил: «ДАКОТА. ОДИН КОНУЕРТ! НА ПОЛЧЯНЕ. ГОРДОВОЕ ПЕНИЕ!». И мелко – место сбора и время. Не было больше никакой информации, даже о цене билетов; просто: приходите, мол.

Юлька сорвала листок, понимая, что вряд ли кому-то еще в жилмассиве, вымирающем с последней отъехавшей со стоянки машиной, нужно и интересно будет это объявление. Принесла в квартиру. Разгладила на кухонном столе. И обнаружила крохотную приписочку в самом конце: «Приходить в хипповском. Не бойтесь травы!» Последняя фраза дышала двусмысленностью. Но грела душу.

Сейшн, как оказалось, был намечен на субботу. В это время у Юли заканчивалась последняя лекция по риторике, и она ее, ничтоже сумняшеся, пропустила. Вылетела из СибАГСа в разбитых кроссовках, нырнула под мост и с наслаждением сбросила их уже на первых плитках дорожки. Так появилась дома.

Андрей сидел за ноутбуком, насупившись. Он последнее время нашел какую-то работу, не требующую особых перемещений его неуклюжего тела в пространстве, и этим приносил в их копилку стабильный, хоть и невеликий доход.

– Андрюха! – завопила Юля из прихожей. – Ты еще не собрался?! Давай... на горловое!

Он покорно выключил компьютер. Повернулся к ней, задумчиво посмотрел на ее черные пятки, на то, как она достает из пакета ненужные кроссовки, и улыбнулся:

– А я думал, у них тоже каблук сломался... Щас, иду. Мне тоже так, хипповать?

– Конечно! Это же Дакота!

...Андрей нравился ей тем, что никогда не напрягал по поводу того, как надо одеться, как надо выглядеть. С ним она полюбила долгие прогулки по городским паркам. Они бродили по теплым, ласкающим ноги, мягким асфальтам Нарымского сквера – самого старого кладбища Ново-Николаевска, где глубоко под слоями насыпанной земли покоились древние могилы предков первых купцов-меценатов, Маштаковых да Жернаковых, а ныне сновали малыши, сбивая в кучи свои и чужие коляски. Она ела мороженое, капая на коленки белым дождем; она, как ребенок, качалась на карусельках, чернея маленькими пятками. И Андрей не бурчал, как ее кавалеры, по поводу того, что она ведет себя по-детски, что все девки как девки, а она... как дура последняя... Они разговаривали. В душе у Юльки просыпались впечатления и знания, полученные за время недолгого ее пребывания на филфаке, еще до той муторной жизни с разнообразными партнерами по дозе и друзьями по шприцу.

Андрей, как оказалось, от литературы и искусства был далек, но именно поэтому внимательно слушал. И даже пытался возражать!

– ...А ты помнишь «От заката до рассвета»? – запальчиво говорила Юлька, забегаая вперед и размахивая кулачками, просто он волнения. – Помнишь? Кто там погиб в самом конце?

– Все погибли.

– А вот и нет, нет, нет! Пастор погиб, семью которого эти двое бандитов захватили!

– Так и семья у него вроде погибла, – морщил большой белый лоб Андрей.

– Неправда! Там в итоге кто выжил, ну, кто?

– А! Точно! Девушка. Дочь пастора. И убийца этот...

– Опять не угадал! – торжествующе улыбалась девушка. – Из двух братьев только один был убийцей и маньяком. Второй – его этот играет... как его... ну, не сам Тарантино, одним словом! Второй – нормальный гангстерито, такой... типа наш пацан, «по понятиям». Так вот, крови-то на нем нет. Ну, стрелял в кого-то. Ну, завали там десяток человек – полицейских или охранников. Но это его жизнь. И его могли завалить. Но он никогда не убивал невинных, просто так! По фильму это четко видно.

– Ну...

– А его брат убил эту женщину в гостинице. За не фиг делать. Помнишь? Но он – брат гангстера, и, конечно, тот его защищает. Конечно! Так вот, в итоге гибнут ВСЕ. А выживают в логове вампиров этот гангстер и дочка пастора. И все это, Андрюша, очень легко объяснить. Очень легко!

– Допустим. Но как? – упирался он.

– А вот так... – размышляла вслух Юля, запрыгивая на бордюр, изъеденный временем, ведь Нарымский сквер создали тут в конце шестидесятых, давно. – Убийца, которого сам Тарантино играет, погиб, потому что на нем кровь невинных, как собака... Туда ему и дорога.

Она легко шла по бордюру, вытягивая шаги бронзовых ступней в ниточку и умело балансируя на шершавых лезвиях бетонных полосок. Шла, смотря себе под ноги, и говорила:

– Посетители бара... Как он назывался? А, «Крученая сиська». Так вот, шушера эта, пьяницы и мелкие жулики, тоже погибли правильно.

– А сын? Сын пастора, парнишка? Он в чем виноват?!

– Ни в чем. Он сестру защищал. Он как герой погиб, это нормальная смерть. В драматической концепции это вообще позитивно.

– А пастор? Черт, он-то почему погиб? У него же вера, все такое...

– Ага! Вот, вот!

Она с криком спрыгивала на него и висла, как на столбе, подгибая худые ноги. Затем шептала в ухо заговорщически:

– Он совершил самое страшное преступление. С точки зрения христианских грехов. Самое стра-ашное!

– Хм. Убил кого-то? Это... как это? Прелюбодействовал? Или врал? Или что?

– Он РАЗУВЕРИЛСЯ В БОГЕ! После смерти жены, помнишь? Грех неверия, отступничества. Поэтому... – страшным голосом заключала Юлька, поддавая ногой смятую банку из-под «кока-колы», – смерть!

В другой раз она рассказывала ему о Борисе Виане. Это было примерно так, как если бы она просвещала колхозного тракториста на тему высокой ригидности лабильных темпераментов или способов загрузки трамбнейлов по ФТП-соединению.

– Понимаешь, Виан написал тогда дикий, шокирующий роман. Он назывался «Я приду плюнуть на ваши могилы!». В общем, оскорбление памяти мертвых, и все такое. Тем более что для Европы этот совершенно бандитский боевик, кровавый, со всеми делами... ну, это было, как «Механический апельсин» Берджеса... Читал?

– Нет, – уныло признавался Андрей и добавлял, блеснув стеклами очков: – Извини.

Это было дико трогательно. И это нравилось ей до безумия!

– Ничего! Так вот, это был шок. А он на самом деле сделал это... сделал, чтобы показать такое состояние... ну, когда уже все – песок; когда уже делать нечего – крайняя степень решительности. То есть терять абсолютно нечего. Прежняя европейская литература, особенно французская, она всегда строилась на том, что даже в самых жестоких вариантах что-то у человека оставалось. Ну, типа, вера в Бога, или знание, что тебя ожидают, как графа Монте-Кристо, сокровища, или там... идеи свободы, равенства, братства. А у героя Виана ничего не оставалось. Ни-че-го! Кроме насилия и мести. Ты бывал когда-нибудь в такой ситуации?

– Нет.

– Вот и я...

Она хотела сказать: «Вот и я – не была». Но не смогла. Резко, откуда-то из неплотно закрытой трубы сознания, черной жижей хлынули воспоминания: ее ведут, голую, со связанными руками, через лес на Башню эти двое Темных. Ведут по крапиве, которая жжет голые ноги, как кипящее масло, но Юлька этого почти не замечает, потому что она уже приготовилась УМИРАТЬ.

Девушка открыла рот, однако вслед за воспоминаниями пришла и боль, бритовкой полоснула по паху, и Юлька побледнела, едва не поскользнувшись на брошенной кем-то упаковке от чипсов, рванулась к скамейке и плюхнулась на нее, сведя не только бедра, но и ступни, испачканные городской пылью, заплетаясь в сплошной узел. Андрей забеспокоился:

– Что, что? Юля, родная, что случилось? Ты порезалась что ли? Ну-ка, дай ногу посмотрю... Я же говорил...

– Не надо, – сквозь зубы выдавила Юлька, обнимавшая свои коленки руками, напряженными, как струна, – не надо, это так... что-то с желудком.

Но она знала: это не желудок. Может, банальный цистит? Вот поэтому она и пошла сегодня к гинекологу. Потому что предыдущий поход недельной давности к другому врачу и заботливо сданные анализы, прозрачные, как слеза, в баночке, никаких отклонений в здоровье не выявили. Худое, истасканное прежней жизнью и едва возрождающееся к новой, тело Юльки было абсолютно здорово. И жадно до этой жизни, как жаден организм кошки, – и потому живуч...

На концерт Дакоты ей очень хотелось сходить. Поэтому она сама быстро переделалась и, стоя сейчас на коврике в прихожей, уперла руки в бока, гневно вопрошая:

– Ты ТАК собираешься идти?! К индейцу, блин, самому настоящему? Снимите это все немедленно! – приказала она гнусавым голосом, пародируя ведущую из какой-то телепередачи.

Он собирался блистать там единственным своими белыми выходными джинсами и тщательно отлаженной синей рубашкой. Долой! Через пять минут из шкафа были извлечены старые его джинсы, в которых он когда-то познакомился с Юлькой, и с помощью бритвы превращены в необыкновенно живописные лохмотья. Пара гроздьев булавок, нашедшихся у Юльки в коробочке, достойно украсили эти штаны. Майку она дала ему свою, с жутковатым портретом неизвестного мужика – лидера неведомой Андрею панк-группы «AbraXas Prestigitation», – в глазах которого мерцали красные звезды, а вместо зубов торчали клыкастые знаки доллара. Волосы парню она смочила гелем, превратив их в настоящее воронье гнездо.

– Вот! – удовлетворенно заметила девушка. – Теперь ничего... похож на нормального хиппаря. И забудь про шузы. На улице плюс двадцать, не простудишься!

Адрес сейшена в объявлении был обозначен более чем доходчиво: «Ереванский дом». Это сооружение, ставшее культовым еще лет десять назад, получило известность «благодаря» экономическому кризису в Армении. Строившая его организация обанкротилась полностью, рабочие уехали... а на задах Октябрьского района, за крепостными валами Шевченковского и за сияющей красной пагодой Японского культурного центра «Саппоро», появился дом-башня. Он строился по проекту какого-то архитектора-самородка: круглый, с ромбовидными окошками, рассчитанный на двадцать двухуровневых элитных квартир, – и был в нем предусмотрен всего один подъезд с центральным лифтом, проходящим стержнем посередине. Но успели возвести только стены и лестницы до площадки третьего этажа. Бетонная колба недостроя торчала в русле бывшей Каменки на девять этажей вверх – пустая, гулкая. Сначала ее облюбовали бомжи, но потом любители андерграундной музыки быстро навели порядок и стали там проводить различные рок-тусовки. Большого количества слушателей круглое пространство третьего этажа, с ящиками-стульями и коробками-столами, вместить не могло, но для сейшена на двадцать-тридцать человек – самое то.



Идти к Ереванскому дому можно было не по шумным улицам, а тропой, петляющей по лугу, – мимо последних устоявших перед плановым сносом домишек, где теплая мохнатая пыль и коровий навоз, высохший до соломенного шелеста, покрывали дорожки и не было городских битых стекол. А также путь проходил мимо бетонных заборов большой и тоже неоконченной стройки: заливали фундамент для второго жилмассива, такого же уродливого, как и Шевченковский.

Эти бетонные заборы покрылись граффити стараниями многочисленных фанатов, выходящих под сильным впечатлением после каждого концерта, и многие граффити казались весьма художественными. Идти мимо них означало побывать в музее современного молодежного поп-арта, и Андрей сейчас, неуверенно топая не привычными к земле босыми ногами, разглядывал граффити, шурясь.

– Круто! – отметил он. – А нам можно будет что-то нарисовать?

– Конечно. Потом... Пойдем, мы опаздываем уже.

У Ереванского дома, стоявшего на безлюдном пустыре, уже кучковались пришедшие, получая из рук маленького парня с курчавыми волосами, видно, администратора, клочки бумаги – билетики. Компенсация затрат по доставке звуковой аппаратуры обходилась всего в сто рублей с человека, из чего можно было предположить, что она выльется в ящик пива для четверых молодых грузчиков, тащивших колонки и усилитель к этому чертовому дому от гравийной дороги, проходящей по низу.

На подходе к месту концерта Андрей оценил мудрое решение Юльки отринуть условности, отказавшись от обуви. Ереванский дом торчал среди распаханых грейдерами и экскаваторами барханов, только не желтых, а состоящих из сплошной красно-бурой глины, в которой вязли ноги по щиколотку. Это было месиво – без единого кустика, с редкими вкраплениями щебня. Те, кто не решился на столь радикальный хипповский образ, поплатились: девушки стояли с туфлями в руках, счищая глину со «шпилек», а пацаны, ругаясь, вытряхивали бурый липкий прах из кроссовок. Юлька и Андрей получили из рук администратора билетик. Взглянув на них, таких одинаковых, круглыми черными глазками, парень осведомился:

– Типа влюбленные? Вместе?

– Вместе! – выпалила Юлька с огромным удовлетворением.

– Тогда девушку впускаю бесплатно! – решил администратор. – Проходите... Дакота уже там. Только не мешайте ему до концерта, он медитирует.

Дакота сидел посреди круглого зальчика. От бетонного, шершавого и горбатого пола его отделял коврик-циновка, вышитый явно вручную, с бисером фенечек по краям. Образ индейца двадцать первого века бил по воображению, как прожектор сторожевого корабля пограничников: мощно, сильно, уверенно. Огромный головной убор из перьев – настоящих! – поднимался над его головой на полметра. Кожаные и холщовые одежды, с хорошо заметной ручной стежкой на швах, в беспорядке покрывали его массивную фигуру. А из этого беспорядка торчали только крупные руки красного оттенка и ноги в оранжевых кожаных мокасинах с колокольчиками.

Дакота настраивал гитару, тоже большую, желтую и по виду очень дорогую – впрочем, это мог бы определить только знаток. А лицо индейца будто писано с прежних, еще советских фильмов о Чингачгук в исполнении Гойко Митича: жесткое, словно топором вырубленное из красного дерева, страшноватое, суровое. Сейчас оно, с закрытыми глазами, склоненное набок – к гитаре, более всего напоминало маску.

– Атас! – шепотом сказала Юлька, усаживаясь на свободный деревянный ящик. – Настоящий Дакота. Гольд.

– Кто?

– Он из североамериканского племени гольдов, я слышала. Это такое племя... на Аляске. Оно откочевало когда-то через Берингов пролив, по льду. Сейчас гольды живут где-то у Салехарда.

– А ты откуда знаешь?

– Умная я такая... Пацан один рассказывал. В прошлой жизни!

Зальчик заполнялся. Обычная разношерстая публика. Хватало тут и гламура, очевидно, чисто внешнего, ибо ни одна из сокурсниц Юльки не позволила бы уронить свое достоинство, ковыляя по этой кирпичной пыли с риском для дорогого педикюра, не усадила бы свою тугую попку, предназначенную совсем для другого, на жесткий и наверняка грозящий занозами ящик. Кто-то расстелил на ящиках платочки, а те, что попроще, бесстрашно ерзали на нем джинсами. Парни присутствовали двух видов: в хайратничках, с патлами, свисающими до плеч, и бритые наголо, с серьгой. Один был даже с дредами, заплетенными, как у ямайского негра, – поперек головы. Между колонками, пиная провода, ходил второй администратор – парнишка в черном с головы до ног, хмурый и озабоченный.

Но вот колонки издали пару возмущенных взвизгов, прочищая свои горла-динамики. К Дакоте подставили подобострастно изогнутый микрофон. Индеец открыл глаза – внезапно, да так, что несколько человек вздрогнули. Глаза оказались разноцветными, как у костромских кошек: один – голубой, другой – светло-коричневый, – и такая сила исходила от них, что не ощутить ее напор было невозможно.

Открыв глаза, он перебрал струны, родив мелодичный звон, и проговорил:

– Меня зовут Дакота. Рад вам.

Он помолчал, снова чутко прислушиваясь к гитаре. Потом продолжил, глуховато, хрипло, с едва заметным, но четким акцентом не нашего, нездешнего человека.

– Если у кого-то есть трубки, достаньте их. Курение трубки – это жертва. Так сказал Кветцалькоатль. Я здесь потому, что так захотел Кветцалькоатль. Он жил в Туле...

При этих словах многие недоуменно завертели головами, а Юлька, поняв, что Андрей тоже подумал о старом русском городе, пихнула его локтем:

– Не тормози! Какая Тула? Это город-царство на земле инков. Тула и Холула...

– Тула и Холу...

– Тш-ш!

– ...Кветцалькоатль – бог культурный. Он несет людям знание и силу. Знание, чтобы понимать мир, и силу – преодолевать его, не уничтожая. Кветцалькоатль – кроткий бог, он не любит человеческих жертвоприношений. Ему надо мало для жизни, он не любит излишества. Но он давно исчез и спит в Туле или Холуле, где ожидает своего пробуждения. Он слышит нас, и вы слышите его. Он не может говорить нашим языком. Он говорит горловой песней. Ее я сейчас вам спою. Я спою вам много горловых песен, и вы узнаете, что хотите. Каждый. Послушайте их сердцем. Оно не будет врать.

Несколько человек неуверенно крутили в руках трубки. Но им так и не пришлось их раскурить. Да это и к лучшему, так как каждый второй наверняка обнаружил бы слабое знание этого хитрого инструмента наслаждения, таскаемого многими в карманах сейчас только ради пафоса и значительности. Курчавый администратор появился за Дакотой с дымящейся трубкой в руке, огромной, как кавказский рог для вина, уже дымящей тихонько, и с поклоном передал ее крайнему слушателю. Тот сунул трубку в рот, сделал затяжку и с трудом удержался, чтобы не поперхнуться. Администратор тут же мудро передал трубку другому, показав пальцем: «Только одна затяжка».

– Это что? – забеспокоился Андрей.

Девушка втянула носом воздух. В высушенной солнцем башне он уже давно не пах ничем, кроме пыли, и поэтому любой новый аромат был бы очень легко узнаваем. Юлька еще раз протестировала атмосферу своим обостренным и хорошо знающим ДРУГИЕ запахи обонянием и удивленно проговорила:

– Если там и травка, то в таких микроскопических количествах... Плодами какими-то пахнет. Как в супермаркете, где всякие киви да манго!

– Вообще, – наклонился к ее уху Андрей, – это все страшно вредно, знаешь? На бетоне холодном босиком тебе, кстати, вообще нельзя! Курим это все... А мне что делать? Я же не курю!

– Выкуришь одну затяжку, не развалишься!

Она еще что-то хотела сказать, но тут Дакота заиграл. Мощно заиграл, выдав сильный мотив, который сразу, как порыв ветра, погасил все шепотки и разговоры.

Это не было песней, к которой привыкли многие. Не было эпатажных текстов, столь милых сердцу некоторых товарищей. А любители музыкальных упражнений не могли обсуждать виртуозность гитарного лада. В ткань звука неожиданно вплеся сначала шорох, потом клекот, потом новый звук, напоминающий посвист ветра в безлюдной степи. И далеко-далеко от этих красных песков, от этого каменного столба завыл волк. Этот звук закрутился, затанцевал в узком цилиндрическом пространстве и, возносясь вверх, падал на головы слушателей водопадом, обжигающим дождем. Андрей прикрыл глаза. Впрочем, то же самое совершенно инстинктивно сделали почти все.

А Юлька просто отключилась. У нее родилась знакомая боль в самой срединной точке тела – но она была уже не режущей, а скорее похожей на сладкую немоту, сравнимую с ощущением запретной ласки, – и потекла вверх по телу. Юлька была уже не тут, в недостроенном доме посреди шумного и пробензиненного города.

Она стояла у подножия высокой скалы. Скала поднималась вверх отвесно, она была, как эта башня, почти круглая, но ощерившаяся уступами и обломами по каждой своей стороне. Где-то рядом водный поток, обгладывая камни, шумел и урчал в водоворотах. Был в ночной тишине волк, и сверху сыпался мелкий дождь. Но дождь попадал лишь на непокрытую голову девушки, и она поняла, что череп ее выбрит до полной гладкости, до самых корешков волос, и оттого так чувствителен: каждая капля будто проникала прямо в мозг, щекоча его.

Она была совершенно нага, но голое тело покрывал какой-то плащ из грубой шерсти, скрепленный на животе застежкой странной формы. Застежка эта слегка давила на живот, отчего-то увеличившийся, выпирающий вперед яйцом. Но она не чувствовала знакомой всем беременным тяжести и дурноты. Напротив, сжатая, скрученная, как часовая пружина, натянутая каждой жилкой голого тела, она стояла на первых ступенях лестницы, которая уходила вверх по извивам скалы, окутывала темнотой, угрожала смертью на каждой своей площадке. Голые подошвы прилипли к каменным ступеням, но те не были холодны – наоборот, горячи. Они давали ощутить кожей стопы каждую трещинку и пяткой – каждый камешек.

Ее путь – наверх. Оставляя внизу шум потока и свист ветра, она поднималась по ступеням. И только капли дождя, разбивающиеся о воспаленный череп, и волчий вой сопровождали ее вверх, не отставая.

Что это? Где она? Что делает? Смутное ощущение металось где-то в уголке, прижатое раздувшимся пузырем ирреальности, как будто стиснутой толпой злого, в час пик, вагона метро, и не могло ничего сообщить, ничего подсказать. Только заунывный, тоскующий вой волка, только легкий шорох каменной крошки, сдуваемой со ступенек, только треск скал, лопающихся от ночного холода. Ее босые ноги, как тончайший детектор, ощущивали эти ступени. И хотя ничего вокруг не было видно, девушка понимала: после многолетнего перерыва она первая поднимается по этой лестнице, до нее ничья нога не касалась ступеней, не тревожила узор песка, нанесенного сюда ветром.

Ее губ что-то коснулось: это сосед слева передал трубку. Совершенно автоматически девушка сделала свою затяжку. Да, не травка, а какой-то табак – благоуханный, может, чуть и разбавленный чем-то дурманящим. Но во сне, в котором путешествовала ее душа, этот аромат растворился в другом запахе – давно не мытого потного тела, лука и мяса.

Андрей, сидящий рядом и не погружившийся в этот странный сон, тоже причастился от трубки. Он видел лишь Дакоту. Горловик запрокидывал голову, его пение ребристо трепетало

в воздухе, похожее на рисунок-заставку стандартного Winamp, зашитого в Windows XP, – то распускающийся, то закрывающийся цветок из цветowych пятен. Это было приятное, завораживающее ощущение – никогда в жизни он не слышал ничего подобного...

А между тем Юля, невидимая в ночи, поднималась наверх к первой площадке и уже знала, какая опасность ее там ждет. Вот фигура, неразличимая во мраке, – страж первой площадки – надвинулась на нее и метнулась с кривым кинжалом в руке – смерть неминуема. Осознание этого, тоже встроенное в оболочку сна, подсказало... Юля сдернула застежку. С некоторым изумлением она увидела, как ее выпуклый живот (действительно, как у беременной, но в отличие от нормальной женщины она не прятала эту часть тела, с вывороченным наружу некрасивым пупком, поддавливаемым изнутри плодом) выдвинулся вперед навстречу клинку.

И он ударился в живот, звеня. Вернее, сначала зазвенел, потом изогнулся, и сталь, выкованная у самых лучших и искусных исфаханских оружейных мастеров, изумленно скрипнула, сраженная тем, что не смогла пробить тонкую ткань материнского мяса, а потом и вовсе звонко вскрикнула и сломалась. А девушка в темноте, сопровождаемой волчьим аккомпанементом, вытянула вперед руку – тонкую, синевато мерцающую в ночи. Этой рукой она взяла противника за мягкое, куском воска разломавшееся в ее ладони горло, легко подняла и толкнула вбок. С площадки. Он полетел вниз, в темень. Его раздавленное, превращенное в месиво хрящей горло не смогло издать ни единого звука. Лишь смачно ударилось о выступы скал тело, и негромко, как гнилой орех, раскололся череп. Там, во мраке...

Тревога. Тревога в крепости. Дозорные зашевелились. А на самой вершине, в глинобитной хижине, на тончайшем персидском ковре, мгновенно сел, проснувшись, седой старик с узкими, точно прорезанными клинком глазами на желтом морщинистом лице, с большими, набрякшими мешками под ними.

Тревога! В Аламуте враг... тревога!

– Что с тобой, Юлька, что?

Он тормозил ее, как тогда, на скамейке в сквере. Но Юля на этот раз вышла из забвения без боли и страдания, с неясным ощущением правоты, умиротворения и выполненной задачи. Ее губы осветила улыбка, она обвила шею Андрея руками, поцеловала в щеку.

– Ничего... все хорошо, лапка!

Дакота заканчивал. Уходил, терялся в звуке вой, только ветер и вода, только шуршание песка. Кто-то среди сидящих тихонько, боясь быть обнаруженным, всхлипывал...

Концерт длился несколько часов. Дакота прерывал песни короткими притчами, рассказывая о Кветцалькоатле и его братьях – глупом, но добром Витцлипутцли и умном, но жестоком Гуицтлипохтли. Это было очень интересно: аудитория внимала беззвучно. Индеец спел горловые композиции «Туман», «Снег» «Прозрение», «Раб», «Жертва Солнцу» и загадочное «Йиаллокунунду», обозначающее, как он сказал, на языке гольдов Вечный Конец и Вечное Начало. А потом начал еще одну композицию, на этот раз почти поголовно погрузив слушателей в протрацию, и... исчез.

Когда Юлька – к которой первое видение уже не приходило, а являлись только безобидные, ласковые, вроде океанского пляжа картины – открыла глаза, посреди зала стояли только молчащие колонки и пригнулся к бетону микрофон на стойке.

Администратор тихо поблагодарил всех за внимание и объяснил, что Дакота всегда уходит неожиданно: слишком много энергии тратится во время концерта, чтобы оставалось еще на общение. Затем он предложил дальше выступать по интересам, тем более что несколько человек прибыли сюда с кожаными гитарными чехлами. Но это уже был свой кружок, особенный. А те, кто приходил только на Дакоту, потянулись к выходу, осторожно спускаясь вниз по лестничному пролету без перил.

И Юлька с Андреем уже бы совсем покинули этот Ереванский дом, шагая по красным пескам. Но как только они спустились вниз, на покалывающую ноги гравийку, к ним подбежал

запыхавшийся парень в черном. И лицо у него было смуглое, будто измазанное углем. Глотая слова, он сказал: «Дакота хочет что-то сказать вам, девушка. Да-да, именно вам... пойдете!»

Юлька изумленно подняла голову. Действительно, в некотором отдалении, на дороге стоял красный микроавтобус, японский, гладкий, как надутый воздушный шар. Дверца приоткрыта. Юля неуверенно повернулась к Андрею – он кивнул. Они пошли было за черным, однако метрах в десяти от машины тот вдруг с извиняющейся улыбкой придержал Андрея: не надо, мол, только наедине. Парень напрягся. А Юлька поразилась диковинной перемене: в один миг из полного увальня, нескладного и добродушного, тот превратился в какую-то странную машину, полную угрозы. Даже формы его тела изменились: туловище из округлого превратилось в квадратное и стало похоже на изображение робота в детских рисунках! А глаза сверкнули совершенно незнакомым выражением. Губы разжались механически:

– Ну... иди. Я тут!

Дакота уже снял свой головной убор из перьев – иначе бы его не вместил микроавтобус. На Юлю смотрел невысокий человек в индейской одежде. У него были большая голова и почти совсем седые волосы на бурой коже черепа. Коротко стриженные. А глаза те же: разноцветные, мерцающие, словно светлячки.

Девушка остановилась на горячем щебне дороги, не чувствуя, как они, раскаленные солнцем, обжигают ступни, и думала, стоит ли заходить внутрь. Но Дакота и не приглашал. Он с полминуты смотрел на нее пронизательно, а потом медленно проговорил:

– Ты родишь. Скоро. Девочку. Родишь царевну. Кветцалькоатль вернется. С тобой!

И, прежде чем Юлька смогла что-то возразить, что-то понять – так дика была эта информация, звучащая как приказ, – индеец схватился мускулистой рукой за ручку двери. Ее красная железная пластина пронеслась перед глазами Юльки и захлопнулась гулко, громко, оглушив ее. Микроавтобус тронулся с места бесшумно, под уклон, и только через несколько метров взревел мотором, исчезая на дороге, ведущей к трассе.

Юлька огляделась. Никого. Ни черного, ни микроавтобуса. Только Андрей стоит и смотрит выжидающе – кажется, у него сжаты кулаки.

– Ну как?

– Ничего. Он только сказал, что... что...

Юлька переступила ногами на щебне и внезапно расхохоталась – с истерикой, с надрывом. Подхватила парня за руку, пошла с ним скорее к холодноватой земле, подальше от раскаленной дороги.

– Он сказал, что я рожу. Скоро. Вот умора, Андрюха, да? Ой, умора!

Он ничего не ответил.

После концерта Дакоты во всем теле оставалось странное ощущение: казалось, руки и ноги рассорились между собой, а вернее, напились допьяна на какой-то общей свадьбе тела, да так и норовили пойти вразнобой, шатаясь в разные стороны. Легкость эта сыграла с ними, спускающимися вниз с глинистых откосов, дурную шутку: они пару раз упали, не ушибившись, а лишь со смехом перемазавшись в глине. Юлька сказала, показывая на майку Андрея:

– Во! А я тебе говорила, что надо по-хипповки наряжаться. А то мы извозились, как хрюшки.

И такие веселые, невпопад смеющиеся, они вышли на плиточный тротуар. Затем зашагали мимо японского центра, вверх по дорожке – к казематам Шевченковского. С неба палило августовское солнце, необыкновенно жаркое и яростное в это лето, облака боязливо промелькивали над Обью, отпрянув от синей громады тридцатидвухэтажного двурогого дома, увенчанного башенками из сверкающего стекла.

Навстречу шла японка, будто сошедшая с традиционных полотен. Черные волосы уложены в высокую, с торчащими спицами прическу, возвышавшуюся над продолговатым белым личиком. Кимоно до пят, розово-желтое. И только явно купленные на барахолке вьет-

намки, ремешки которых опутали беленькие, совсем не замаранные пылью голые ступни этой девушки, да дешевая китайская сумочка через плечо (подделка под «Гуччи») выдавали в ней русского человека.

Она шла, семеня, не глядя на молодых людей. Юлька хотела сказать, как она отличается от них, грязных, в глине и пыли, и уже даже слегка вытянула руку, чтобы показать Андрею.

Но тут в промежность ударило. ЭТО вернулось со всей силой, мстя за минуты благодати, да так, что фактически отбросило Юльку на ограду центра, на забор, окаймлявший его огромную пустующую территорию, отведенную под будущий парк. Отбросило, едва не надев на острые пики. Девушка согнулась, ощущая позывы рвоты.

– Юлька!!!

«Японка» удалялась, мелькая кимоно. Андрей уже не смотрел на нее. Он поднимал повисшую на оградке Юльку, пытался удержать. Та слабо отпихивалась, и вот наконец случилось то, чего она боялась: ее внезапно вырвало, мощно, на свои ноги, на руки Андрея.

Противным, буро-желтым и густым.

**Точка сборки-2**  
**Новосибирск**  
**Сибирское Территориальное Отделение**  
**Спецуправления «Й» ФСБ РФ**  
**Заратустров и другие**

Людей у полковника Заратустрова было мало. Очень мало. Но все они крайне быстро соображали. В структуре Спецуправления «Й» ФСБ России (произносилось, как «йот») до сих пор не было ни одного кадрового разведчика или бывшего чекиста, не считая самого полковника да нескольких кураторов региональных отделений – Уральского и Дальневосточного. Попадали в «Й» с улицы, но... после тщательного отбора.

По городам и весям России, щедро обсыпая афишные тумбы листопадом объявлений, колесили улыбчивые люди с вполне русскими фамилиями: Золотов, Дорохов, Ярославцев, Рыбалко, Гришин, Воевода – или же совсем не русскими, но звучными: Джеббер, Бейлингорди, Ясон, Байсатенгизов, Броди. Они проводили самые разные мероприятия, которые обычно назывались семинарами. Они занимались психодрамой в спортивных залах, укладывали людей на маты, заставляя дышать особым образом, погружали в сон в залах кинотеатров или же сливали нагие тела в чистой и целомудренной Тантре. Они занимались трансперсональными, мистическими, гиперзвуковыми, спарринговыми, аситуационными, хронодисперсными и прочими тренингами, смехотерапией и дыхательной гимнастикой. Они много улыбались, охотно шутили, вокруг них после любого семинара трепетала радостно возбужденная толпа. Участники семинаров в обязательном порядке сдавали проворным спутникам заезжих богов символические, копеечные суммы оплаты и ксерокопии паспортов или свидетельств о рождении, на худой конец. Зачем? Да никто и не спрашивал.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.